

ЛАНА КАМИНСКАЯ

Мэгги

Лана Каминская

Мэгги

<https://litres.ru/74213589>

Аннотация

Когда личная жизнь не клеится, одни ищут причину в себе, другие – в обстоятельствах вокруг. Я же предпочла уйти с головой в работу, но прежде выговорила отражению в зеркале и подписала непонятную бумагу. И теперь я – в другом мире, представляю интересы некой графини Форестер и от её имени продаю дом. Особняк хорош, от желающих купить нет отбоя, но почему каждый, кто приезжает внести залог, через минуту бежит прочь, сверкая пятками? Ответа на вопрос никто не даёт, но местные жители как бы невзначай намекают, что мой успех зависит от некой Мэгги. Но кто это и где её искать?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. День, когда всё пошло не так	9
Глава 2. Осторожней с зеркалами	20
Глава 3. Так вот ты какое, Зазеркалье!	32
Глава 4. Обед в «Ивах»	41
Глава 5. Утка и затерявшийся ключ	58
Глава 6. Странная комната	70
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Пролог

– Говорят, в таких старых домах живут привидения.

– Цыц!

– Нет, правда. В наших краях стоял один особняк, такой же старый и с паутиной в углах. Все в округе боялись в него заглядывать. И матушка говорила, он полон призраков.

– Она пугала тебя, чтобы ты далеко не убегала. Видимо, хорошо запугала, раз до сих пор вздрагиваешь.

– Не сказать, чтобы очень, но... сейчас вот почему-то стало не по себе.

– Забудь и принимайся за работу. Не то один такой призрак, имя которому мисс Чопорс, услышит нас, вылезет из своей берлоги и одним лишь взглядом уволит!

– Ты права, – вздохнули обречённо.

В огромном полупустом холле воцарилась тишина, нарушаемая лишь скрежетом щёток по половицам.

Две горничные – одна рыженькая и с носом в веснушках, другая в чепчике на тёмные кудри и круглым, как циферблат часов, лицом, – ползали на коленях по полу, скребли его и натирали до блеска.

– Больше половины сделано, – вытерев пот со лба, сказала темноволосая. – Вторая половина пойдёт легче. Там ковёр и лестница. Ковёр выбивали на днях, а на лестнице можно

просто подмести.

– А ты давно в этом доме служишь? – поинтересовалась рыжая.

– Третья неделя пошла. Раньше убирала кладовые. Парадный холл впервые мою.

– А я вот первый день и сразу сюда попала. Тяжело.

– Ну, – крикнула темноволосая и поднялась с колен, – считай, тебе с первого дня не повезло. Кладовые по сравнению с этим покажутся отдыхом. Вставай. Надо ковёр отодвинуть и под ним протереть.

Рыжая шустро вскочила на ноги.

Лежавший у самой нижней ступеньки ковёр был невелик, цветом и узором гармонировал с общей атмосферой холла и великолепно подчёркивал величественность старого особняка, простоявшего уже много веков и не осыпавшегося ни в одном месте. Заодно он подчеркивал важность статуса его хозяев. Точнее, хозяйки.

– Ухватилась? – спросила горничная, что носила чепчик, и вцепилась пальцами в край с бахромой.

– Передвигаем! – скомандовала она же.

Получив утвердительный кивок, напряглась и... резко вскрикнула:

– Ты что творишь, глупая?!

Рыжая стояла напротив, зажав рот рукой. Её глаза были круглыми от ужаса, а лицо – мертвецки бледным.

– Что встала? – продолжала разоряться темноволосая. От

резких движений к ней сильно прихватило спину. – Как будто призрака увидела!

– Т-так и есть, – заикаясь, ответила новенькая, тыча пальцем себе под ноги. – С-смотри.

Темноволосая укоризненно покачала головой и шагнула к рыжей.

– Если ты меня дуришь...

Встав рядом, упёрлась кулачками в бока и сурово прорычала:

– И что же ты увидела?

– Т-там, – всё так же заикаясь, пробормотала рыжая и указала на ковёр. – Подними.

– А самой лень?

Осознав, что все упрёки бесполезны, и бестолковая помощница так и будет стоять бледная лицом и с круглыми глазами, темноволосая присела на корточки и коснулась руками края ковра. Приподняв, потянула в сторону, предъявляя солнечному свету всё, что было на паркете, и чуть не потеряла дар речи. На полу багровела засохшая лужица. Кто-то мог предположить, что разлили краску, но даже неопытному взгляду было понятно, что то была кровь, которую почему-то не вытерли, а предпочли скрыть.

Схватившись рукой за сердце, темноволосая девица испуганно посмотрела на рыженькую и с трудом выдавила:

– Что же теперь делать?

– Надо позвать мисс Чопорс, – сообразила новенькая.

– Ты в своём уме? Даже не думай бежать за старухой! Крику будет – на всю жизнь пожалеешь. Лучше берись за тряпку и оттирай скорее. А я помогу. Потом обратно ковром застелем и сделаем вид, что ничего не видели. Если о пятне не известно мисс Чопорс, то и нам о нём знать не стоит. Тем более оно, наверно, очень старое.

– Точно старое, – поддакнула рыжая. – Гляди, как въелось.

– Вот же... – недовольно бросила тёмная.

– Что такое?

– Да что! Лентяйки все те, кто убирал парадный холл до нас с тобой! А ведь ввали, что ковёр часто выбивается. Что, мол, последний раз на днях его трясли. Если выбивается, если трясли, то как пятно не заметили?! Ленивые лгуны!

– Верно ты подметила.

– И ведь мисс Чопорс не пожаловаться. Слышать её вопли ой как не хочется.

– И это верно, – согласилась рыжая и смочила в ведре тряпку. – Тогда давай без болтовни и ближе к делу. Точнее, к полу.

– Давай, – согласилась та, что в чепчике, и тоже вооружилась тряпкой.

Работа пошла быстро, и спустя несколько минут пол блистал чистотой, а ковёр был торжественно возвращён на место. Две полотёрки вытерли руки о передники, счастливо выдохнули и переглянулись. Теперь у них был один секрет на двоих, и пробалтываться об увиденном ни одна не намере-

валась...

Глава 1. День, когда всё пошло не так

наше время

– Чарли, надо поговорить.

– Конечно, – кивнула я.

Наверно, я сейчас выглядела странно. Мало того, что случайно нажала на телефоне на громкий режим и половина кофейни услышала, как меня зовут, так ещё и улыбалась во весь рот, размешивая ложечкой коричневый сахар в капучино. Но иначе я не могла, ведь всякий раз, когда я слышала голос Рэя, мне становилось тепло на сердце.

– Сегодня вечером в восемь. В кофейне в вашем бизнес-центре. Устроит?

– Конечно, – снова промурлыкала я и тут же принялась лихорадочно соображать, не запланировано ли у меня каких-либо деловых встреч на это время, о которых я могла совершенно позабыть.

Как назло одно дело нашлось! В половине восьмого я должна была позвонить клиенту и обсудить с ним показы, назначенные на следующую неделю. Наша фирма помогала ему с покупкой загородной недвижимости; вариантов было

найдено много, и всё нужно было успеть объехать и осмотреть в ближайшие семь дней. В полчаса со звонком я точно не уложусь! Клиента я знаю хорошо: он обязательно будет отвлекаться по мелочам, и в лучшем случае мы с ним закончим около девяти.

– Рэй, – выдохнула я, – в восемь не могу. Давай...

Но ответом мне было несколько коротких гудков. Рэй уже положил трубку.

– Что-то случилось? – спросила подруга, сидевшая со мной за одним столиком.

Что с друзьями, что с любимым я виделась редко. Все-му виной была моя постоянная загруженность на работе. Так что Нике невероятно повезло заглянуть ко мне в офис именно в тот момент, когда у меня выдалось свободное окно длинной в какие-то жалкие пятнадцать минут.

Если бы не подруга, провела бы я то время, приводя в порядок бумаги на столе, но как фея появляется перед Золушкой и меняет привычный образ её жизни, так и Ника полностью перевернула мой мир, но вначале выдернула меня на первый этаж на кофе.

– Работа, – тяжело вздохнула я и отложила телефон в сторону.

– Так занята, что даже с Рэем некогда встретиться?

Я развела руками.

– Ты слишком много времени проводишь на работе, – подвела итог подруга. – Так нельзя. Тебе уже тридцатник стук-

нул. О личной жизни совсем не думаешь.

– С ней-то всё в порядке, – наивно улыбнулась я.

– Ну да, – задумчиво протянула Ника, посмотрела через моё плечо и помахала кому-то рукой.

Я обернулась и вздрогнула. К нам быстрым шагом шёл Рэй. Зачем он здесь, если договаривались увидеться вечером?

Мы были знакомы чуть больше года. И каждое наше свидание было полно романтики, цветов, прекрасной музыки и нежных поцелуев. Подруги не раз спрашивали, когда мы, наконец, поженимся, и полгода назад Рэй почти сделал мне предложение.

Почти?

Именно.

Просто в день, когда мы собирались поужинать вместе, мне пришлось срочно улететь в другой город. Поменялось расписание, и презентация коттеджного посёлка – свеженького, только что из-под пилы и строительного мастерка – никак не могла ждать, а я была за ту презентацию ответственной. В итоге, мероприятие прошло на «ура», а вот ужин на двоих снова пришлось отложить: позвонила начальница, и я мигом упорхнула в другой город. На этот раз представлять интересы крупного клиента и помогать с продажей яхты. Переговоры затянулись, и я вернулась домой только через неделю, изрядно измотанная и с жуткой непереносимостью морской качки.

Рэй всё понял и дал мне время прийти в себя. Даже несколько дней не беспокоил звонками и сообщениями. Потом захотел забрать вечером с работы, но и тут нам не повезло: всю ночь я просидела в офисе за компьютером, оформляя договор на аренду загородного дома. За выполнение заказа в срок я получила похвалу от руководства и... очередную тишину от Рэя на целых три дня. Мой любимый снова давал мне возможность отдохнуть от деловой суеты и собраться с мыслями для серьезного шага.

Возможно, сегодня был именно такой день. День для признания и принятия решения. Иначе почему дорогой мне человек выглядит так взволнованно? Дурашка. Зачем переживать? Ведь я точно отвечу взаимностью.

– Я так и знала, что вечером у тебя опять будет семь пятниц на неделе, – неожиданно резко бросила в мою сторону Ника. – И вы опять не встретитесь, и никакого разговора не будет. Поэтому давайте сейчас. На всё пяти минут хватит?

Ника встала и быстро вышла из-за стола. Её место занял Рэй. Всё, что происходило в эти мгновенья, было настолько странно, что я потеряла дар речи. Поведение близких мне людей – лучшей подруги и любимого мужчины – стало мне в один миг непонятно. Однако в замешательстве из нас троих пребывала только я. Рэй и Ника выглядели так, словно были в курсе всего.

– Чарли... – начал Рэй каким-то чужим, сдавленным голосом.

Его красивые глаза забегали так, словно он собирался сказать нечто совсем неприятное.

– Шарлотта... – повторил Рэй моё имя, на этот раз полное, и у меня потяжелело на сердце.

С детства я привыкла, что если мне хотели сказать что-то приятное или просто обычное, ко мне обращались, предпочитая по-дружески короткое, немного грубоватое «Чарли» длинному и невероятно нежному полному варианту моего имени. Зато Шарлоттой звали в моменты, когда предстоял серьёзный разговор, зачастую не очень радостный. Например, когда мне хотели дать нагоняй за перевёрнутый цветок на веранде.

За спиной послышался стук каблуков. Это Ника направилась к выходу из кофейни. Даже не пожелала хорошего дня. Впервые за столько лет дружбы.

Рэй выдохнул, мотнул головой и посмотрел мне в глаза. В его взгляде был лёд.

– Шарлотта, – снова начал он, – нам надо расстаться.

Это были совсем не те слова, которые я ожидала услышать, когда Рэй назначал встречу по телефону. Но, учитывая холодный тон и равнодушное выражение лица того, кого в мыслях я уже давно считала своей второй половинкой, именно эта фраза и должна была быть самой ожидаемой. Не зная, что ответить, я вцепилась пальцами в кружку с кофе и сделала жадный глоток.

– Чарли, – побитой собакой заскулил Рэй, – ты ведь не

против, да?

Чёрт, он вообще соображает, что говорит? Как будто пиццу на ланч заказывает и интересуется, не против ли я той, которая с острыми колбасками, хотя отлично знает, что я их терпеть не могу.

– Между нами давно что-то не так, – продолжал Рэй.

Да? А я не заметила.

– Ты прекрасная женщина, красивая, умная, хваткая. Настоящая бизнес-леди. Но...

Но что же, чёрт возьми, тебя не устраивает?

– Но мне бы хотелось по выходным выбираться в парки, а по вечерам сидеть дома у телевизора и обсуждать комедийное шоу.

А я, по-твоему, этого не хочу?!

– А ты все дни в работе, даже когда у тебя отпуск. Только я забыл, когда он у тебя последний раз был. Не в прошлом ли году, когда мы поехали к океану, и на полпути ты попросила развернуть машину и везти тебя обратно?

Я наморщила лоб. Что-то такое было, но случившееся абсолютно выпало из моей памяти. Я настолько увязла в работе, что жила только ей и... мечтами о будущем с Рэем. Именно мечтами, которые легко могли бы исполниться, но исполнение всё оттягивалось и оттягивалось, и всё из-за... Я тяжело вздохнула и проронила:

– У меня ответственная работа в солидной фирме.

– Я знаю.

– И ты знал это, когда мы только начали встречаться. И принял это.

– Я никак не думал, что всё будет так плачевно.

– Плачевно?

– Оглянись вокруг. Осенью у твоей сестры родилась дочка, а ты даже не позвонила её поздравить – времени не было. Зимой мои родители звали нас к себе на Рождество – ты смогла появиться всего на час, потому что потом тебе пришлось сесть за отчёт. С этой твоей работой я совсем забыл, какая ты. А иногда мне кажется, что и забывать было нечего, потому что не было ничего.

Это было уже слишком.

– Это моя работа, Рэй. Моя карьера. Моя жизнь. То, что даёт мне возможность развиваться и приносит приличные деньги.

– Как будто моих денег тебе не достаточно?

– Достаточно, но... – я запнулась.

Да. Дело было не в деньгах. Дело и правда было во мне. Я никогда не мыслила себя домохозяйкой, но в какой-то момент увлечение работой стало неуправляемым. Мы стали настолько нераздельны, что я не представляла себя вне стен офиса даже в собственный день рождения. Что уж говорить о других праздниках. Ника как-то отпустила шутку, что и собственную свадьбу я буду отмечать, крутясь в рабочем кресле или сидя за планшетом и с рабочим блокнотом в руке. Работа была тем единственным, что всегда было со мной. Всё

остальное приходило и долго не задерживалось; работа же не отпускала от себя ни на секунду.

Рэй был не первым моим мужчиной. Однако первым, с кем я встречалась так долго. Все прошлые ухажеры не выдерживали и месяца. Один так вообще сбежал на вторую неделю. Мы работали в соседних зданиях и часто встречались в кофейне во время перерыва. В какой-то момент мои перерывы превратились в нескончаемые переговоры по скайпу, когда клиент вроде как хотел проконсультироваться по одному вопросу, а потом беседа затягивалась на целый час.

Чтобы не отвлекать меня и не заставлять нервничать, мой молодой человек записался на курс массажа в спа-центре неподалёку. Я была только за: в конце концов, кофе я смогу и в офисе выпить, а встречаться лучше вечером, когда никто их дотошных клиентов или начальства не достанет.

Вот только я ошиблась.

Клиенты, которые наивно считали, что наш гонорар, прописанный в контракте, с лихвой покрывает и работу в нерабочее время, продолжали названивать даже, когда на часах было за полночь. Моему же мужчине так пришёлся по вкусу массаж, что он, жалуясь на дикую боль в спине, стал пропадать в салоне и после ужина. Потом выяснилось, что увлекли его не только расслабляющие процедуры, но и массажистка, у которой, в отличие от меня, был талант обольщения и масса свободного времени. Я же, смирившись с тем, что ещё долго буду «замужем» за работой, махнула на всё рукой и

ещё больше погрузилась в дела фирмы. Но потом появился Рэй.

Он пришёл ко мне серым, холодным вечером, когда мониторы коллег давно погасли, и только мой светился лёгким голубоватым светом. Я сидела за столом, покачиваясь в кресле, задумчиво грызла карандаш и отмечала трёхэтажные дома, которые обязательно стояли у леса и имели на своей территории небольшой прудик. Не успевшая сбегать вовремя из офиса секретарша нажала на кнопку на телефоне и сказала, что подошёл клиент. Да ещё и по срочному вопросу. Что ж, я всегда была рада помочь. Так я и узнала Рэя, и была счастлива с ним до этой самой минуты...

– Значит, мы расстаёмся, – подытожила я, барабанила пальцами по столу. – И ты давно принял решение, но только сейчас набрался смелости мне сказать.

– По телефону такое не обсуждают, а встретиться с тобой последнее время стало сложнее, чем попасть на приём к президенту.

С президентом Рэй, конечно, переборщил. Хотя...

– И скольким ты разболтал о своих планах? Моей подруге и кому ещё? Вот же... Даже додумался подговорить её устроить со мной встречу! Интересно, какую причину ты ей назвал?

Рэй сильно покраснел.

– Ты про Нику? Я не подговаривал.

– Не подговаривал?

– Она сама предложила помочь.

– Сама? Фантазия же у тебя... Да знай она заранее о твоих намерениях, стёрла бы тебя в порошок.

– Ты не понимаешь. Тут другое.

Я скрестила руки на груди.

– Слушаю.

Интересно, на какую выдумку готов пойти тот, за кого пять минут назад я грезила выйти замуж.

– Ника и я... как бы правильнее сказать... В общем, мы встречаемся!

Что может быть хуже разбитого сердца и растоптанной веры в друзей накануне важных переговоров и заключения крупной сделки?! Что ж, если при составлении договора я допущу ошибку, то во всём прошу винить того, кто сидел напротив меня и виновато улыбался, и ту, кого я всегда считала своей лучшей подругой.

– Поздравляю, – бросила я и поднялась. – Нам не о чем больше разговаривать.

Вся на нервах, я неуклюже выкарабкалась из-за стола, чуть не подвернув лодыжку. На Рэя старалась не смотреть и уж тем более не приняла от него помощи, когда он коснулся моего локтя, желая поддержать. Уж лучше упаду, порву юбку, сломаю каблук, даже синяков заработаю, чем позволю такому мерзавцу хоть пальцем до меня дотронуться.

– Чарли! – крикнул мне вслед Рэй, но я даже не обернулась.

Может, я и правда увязла в работе настолько, что со мной оставалось только контракты обсуждать, но никак не мебель, спортивную секцию для ребёнка или отель для отпуска, но отнестись к услышанному сдержанно и холодно я не могла.

Почему нельзя было признаться раньше? Потому что во время наших встреч я умудрялась отвечать на корпоративную почту и телефонные звонки?

Чушь!

Что мешало Рэю выхватить тот телефон из моих рук, посмотреть мне в глаза и объясниться? Неужели так трудно было вовремя остановить меня и дать мне понять, что что-то пошло не так? Разве не так должны поступать по-настоящему любящие и ценящие отношения люди? Но этого сделать Рэй почему-то не смог. А вот закрутить роман за моей спиной смог. Да не абы с кем – с Никой! Той, кому я доверяла всю себя, все свои мысли и мечты с самого детства.

Глава 2. Осторожней с зеркалами

Мобильник разрывался всё то время, пока я сидела, уткнувшись стеклянным взглядом в монитор. Кажется, на звонке двадцатом мой коллега догадался ткнуть меня карандашом в бок и вежливо намекнуть, что пора бы и совесть иметь. Вдруг клиенты звонят.

Но звонил Рэй. Что ещё он хотел мне сообщить, я знать не хотела. Поэтому включила тихий режим и бросила телефон в ящик стола. Чтобы уж наверняка. А затем встала, собрала распущенные волосы в хвост, взяла планшет, блокнот и ручку и двинулась в комнату для переговоров, заметно для всех всё же шмыгнув носом. Шепоток позади себя слышала, но деталей не разобрала, что было к лучшему. Ещё вникать в суть сплетен мне сегодня не хватало!

Обида отступила. Её место заняли гнев и возмущение. И зла я была так, что умудрилась на подписании контракта сломать пластмассовую ручку. Просто передавила середину пальцами так, что там щёлкнуло и зашлось трещинами. Клиент-толстосум, сидевший напротив, тут же удивленно икнул, а я бросила на него такой испепеляющий взгляд, что он предпочёл притихнуть, но никак не лезть на передовую и не возмущаться хмурым видом сотрудника агентства элитной недвижимости.

Но если бы всё закончилось только этим...

Рыкнуть пришлось ещё не раз и не два. И на дотошных клиентов, чьи интересы и сделки в одночасье стали мне совсем не интересны, и на коллег, которые лезли ко мне с вопросами по работе, шутили не к месту и даже назойливо интересовались, с чего это я вдруг стала мрачнее тучи. Сделка какая-то сорвалась? Я отвечала, не стесняясь в выражениях, за что ближе к концу рабочего дня была вызвала к начальнице.

Поджимая губы-ниточки и рассматривая яркий, свежий маникюр на пальцах, та крутилась в кресле за столом и время от времени посматривала в окно, за которым небо затягивалось дождевыми тучами. У неё была новая стрижка и свежая укладка, и, могу поспорить, до моего прихода она только и делала что прикидывала в уме, успеет ли она прыгнуть в машину и выпрыгнуть из неё до того, как ливанёт.

– Шарлотта, ты сегодня не похожа на себя, – отчеканила начальница.

Не сегодня, а только после перерыва, подумала я, но вслух произносить не стала.

– Я поразмыслила и пришла к выводу, что тебе пора отдохнуть. Я проверила, ты давно не брала отпуск. Настоящий отпуск. Недели этак на две. И не спорь. Рано или поздно перегорание у всех случается. Отдых пойдет тебе на пользу. Настоящий отдых. А твоими проектами на это время займётся Рипли. У него, кажется, стало слишком много свободного

времени. Я замечала, как он выращивает капусту в мобильной игре, вместо того чтобы искать клиентов.

Рипли... Чёрт. Он такой оболтус! Он не поможет мне, а только всё запутает. Надо бы объяснить это начальнице, пока та дров не наломала. Но стоило набрать в лёгкие побольше воздуха, как мне безапелляционно ответили:

– И без возражений. Твой рабочий день на сегодня закончен. Ступай домой. Узнаю, что ответила хоть на один звонок от коллег, в следующем месяце лишу премии!

В этот момент я поняла, что начальница не шутит.

После того как я вышла из офиса, гнев и раздражённость сменились истерикой. Я казалась самой себе такой беспомощной и глупой, а всем мужчинам вокруг – ненужной и безынтересной, что не нашла выхода лучше, чем затариться пивом в магазинчике на углу у остановки и, придя домой, упасть на диван, даже не скинув в коридоре туфли.

А дома мне стало только хуже: со всех углов – с комода, тумбочек, туалетного столика – на меня смотрел Рэй. Ещё в первые месяцы знакомства я повсюду расставила его фото. Мне казалось, что так я всегда буду чувствовать, будто мы каждую минуту рядом друг с другом. Что ж, он-то был рядом со мной, пусть и на фото, а вот я...

Воспоминания жалили хуже назойливой осы, а запасы пива уменьшались с каждым часом. Когда в сторону была отброшена не-помню-какая-по-счету банка, я поднялась с дивана и с трудом сделала шаг вперёд. Чуть не упала. Сделала

ещё шаг и снова чуть не упала. Схватилась за спинку кресла, чтобы устоять, и так, мелкими шажками, прошла в спальню. Там с громком вздохом опустилась на пуфик у туалетного столика, стянула резинку с волос и тряхнула головой. Тяжёлые, густые, каштанового цвета волосы рассыпались по плечам.

А ведь я намного симпатичнее Ники. И, в отличие от неё, твёрдо стою на ногах. Прилично зарабатываю и не размещаю резюме на страницах кадровых агентств с частотой раз в полгода. Так что же, чёрт возьми, со мной не так?!

В сердцах я грохнула расческой по столу с такой силой, что подпрыгнула шкатулка и чуть не треснуло зеркало. Но мне было плевать. Я просто швырнула расчёску в угол, положила голову на руки, закрыла глаза и затряслась от слёз. К чему та красота и тот успех, если делить их не с кем?

Не помню, сколько так пролежала. Но когда подняла голову и открыла глаза, то вновь посмотрелась в зеркало. Видок у меня был... я даже вздрогнула от страха.

Моё лицо за день, полный нервов и слёз, изменилось: кожа пожухла, сморщилась, прямой нос почему-то стал похож на рыболовный крючок, а над губой слева выросла бородавка, из которой торчало три коротких седых волоска. Да и волосы тоже поседели и были собраны в строгий пучок на макушке. Стоп. Как на макушке? Я же только что распустила их.

Недоуменно поморгав, я потёрла глаза и, распахнув их по-

шире, вновь уставилась в зеркало. Но в центре посеребрённого стекла ничего не изменилось – на меня всё так же недовольно взидала строгая старуха, чьи губы были поджаты, а руки сложены на груди и украшены всего одним браслетом с лунным камнем.

Пожалуй, это был уже диагноз.

Похлопав себя по щекам и заодно сильно пощипав, я вновь уставилась в зеркало, внимательно и со всех сторон рассматривая чопорную старушеницу.

Мне это снится?

Или это я в старости?

Нет, ну не могли же проблемы в личной жизни и работа круглые сутки довести меня до такого состояния, что за какие-то считанные часы я состарилась на несколько десятков лет!

Я отвернулась от зеркала и уткнулась взглядом в дальний тёмный угол, в котором стояло укрытое клетчатым пледом кресло. Смотрела в никуда минут десять и когда решила, что загадочное видение отступило, совсем рядом, почти над ухом, произнесли решительным голосом, привыкшим только командовать и ни шагу назад:

– Мисс Шарлотта Харт. Я не ошиблась адресом?

Теперь я уже не сомневалась, что сбрендила окончательно. Нормальные люди видят в зеркалах лишь собственные отражения, но никак не незнакомых, подозрительных старух, которые при этом ещё и разговаривают. Но так как но-

мера стоящего психотерапевта у меня под рукой не было, а звонить знакомым и просить рекомендацию было поздно (стрелки часов подкрадывались к полуночи), я решила не противиться причудам воображения, в глубине души надеюсь, что скоро всё пройдёт само собой.

Не проходило... И спустя минуту полного молчания зеркало повторило вопрос:

– Так вы мисс Харт?

Достав из кармашка пошитого на старомодный манер передника очки на цепочке, старуха водрузила их себе на переносицу и вперилась в меня таким строгим взглядом, что, даже не будь я Шарлоттой Харт, я бы немедленно отозвалась.

– Да, – пробормотала я.

Горло раздирало от сухости.

– Тогда я за вами, – отчеканила носатая.

Нет, я, конечно, слышала, что нервы вкупе с большой дозой алкоголя дают свои последствия, но чтобы так сразу и всего после трёх банок пива!..

А, нет.

Я тоскливо покосилась в угол, куда швыряла пустой, смятый алюминий. Всё-таки после пяти, а не трёх.

Хорошо хоть на бунт меня не пробило: мебель не ломаю и тарелки не бью, лишь страдаю галлюцинациями, причём непривлекательными и назойливыми. Интересно, как скоро они пройдут, если я перестану на них отвлекаться? Через полчаса? Час? Однозначно надо проверить. И с этими мыс-

лями я отмахнулась от зеркала и выдала:

– Сгинь прочь, нечисть.

Но видение никуда не исчезло. Я знала это, так как всё-таки не выдержала и покосилась в его сторону. Оно продолжало взирать на меня через очки начала прошлого века и хмуриться.

– У меня не так много времени, мисс Харт. Я прошу выслушать меня и дать положительный ответ. Из списка кандидатов у нас остались только вы. Другие нас не устроили.

Я чуть не икнула от удивления. Пожилая дамочка, завладевшая моим рассудком, явно умела вести переговоры. И у неё и список имелся! Хотелось бы взглянуть. Может, увижу в нём имена коллег, у кого так же, как и у меня, с головой не в порядке.

– Меня зовут Эмилия Чопорс, – внезапно представилась галлюцинация. – Вы можете звать меня просто мисс Чопорс. Я представляю интересы леди Форестер, и у неё к вам деловое предложение.

Вот теперь точно настала пора хвататься за голову!

Странное видение, возникшее на фоне нервного истощения и подкреплённое алкоголем на голодный желудок, я ещё могла объяснить и принять, но вот видение, пожелавшее заговорить со мной о работе, стало настоящим доказательством моего переутомления. И в этот момент мне стало даже обидно: со мной и раньше много раз дистанционно обсуждали дела – благо, современные технологии позволяют, – но

чтобы через зеркало...

Я закрыла глаза и покачала головой. От нахлынувшего наваждения надо было срочно избавляться. Выйти на улицу? Хорошая была идея, но в зеркале внезапно фыркнули:

– Никак не думала, что придётся общаться со статуей. А ведь вас рекомендовали как знатока своего дела. Если бы нас сразу предупредили, что у вас дурные манеры...

Никогда не любила, когда мне пытались бросать вызов. Тем более в области работы, где мне – что греха таить – не было равных. Тем более у меня дома. Тем более из зеркала!

– Что вам надо? – холодным тоном спросила я и посмотрела на старушеницу. То есть на мисс Чопорс.

Та одарила меня не менее ледяным взглядом.

– Моя хозяйка, леди Форестер, прислала меня за вами. Она желает предложить вам работу, за выполнение которой вы получите солидное вознаграждение.

– Что от меня требуется?

– Здесь всё указано.

Гладкое зеркало внезапно засеребрилось, задымилось, затрещало, а когда всё рассеялось и затихло, прямо передо мной, на туалетном столике, оказался лист бумаги, плотный и желтоватого цвета, на котором от руки, чернилами и на старинный манер были выведены строчки, складывающиеся в целый договор, подписанный и скреплённый личной печатью с одной стороны. Второй подписи на договоре не было, зато было начертано имя того, чьей подписи ждали. И то бы-

ло моё имя.

– Что это? – растерялась я.

– Договор, – деловито ответило видение по имени мисс Чопорс.

Было понятно, что ей очень хотелось съязвить по поводу моего замешательства, но, видимо, воспитание не позволило.

– Леди Форестер уже который год безуспешно продаёт свой особняк, – принялась терпеливо объяснять старушенция. – Месяц назад её хорошие знакомые посоветовали прибегнуть к услугам агента. Леди Форестер изучила все предложения. И теперь я здесь.

Я чуть не зашлась нервным смехом.

Теперь-то я понимала Рэя и причины его поступка. Я настолько помешалась на работе, что, даже будучи пьяной, думала только о недвижимости и клиентах. О домах, виллах, загородных участках... о чём угодно, кроме себя и близких мне людей. Чёрт, как же Рэй был прав!

Решено. Завтра начинаю новую жизнь.

А сегодня?

А сегодня поскорей избавлюсь от приставучей галлюцинации и завалюсь спать.

Подумано – сделано.

– Так мне всего-то нужно продать дом вашей хозяйки? – резюмировала я, пробегая глазами по витиевато изложенному тексту договора.

– Старинный дом, – зачем-то подчеркнула мисс Чопорс.

– Старинный дом, – задумчиво повторила я.

Старинный так старинный. Разве это плохо? За старину сейчас очень хорошо платят.

– И все мои расходы будут оплачены, включая расходы на проживание, питание, транспорт и даже... одежду и прочие незаменимые в быту аксессуары? – озвучила я строчку из соглашения.

– Верно. Предложение леди Форестер очень щедро. Там ещё ниже прописан гонорар.

От размера моих комиссионных мне чуть не поплохело. Столько нашей фирме не платил ни один клиент, а тут целое состояние шло мне в руки. Мне одной в руки.

– Так вы принимаете предложение леди Форестер?

Начать новую жизнь и выспаться очень хотелось, поэтому с сумасшествием надо было заканчивать быстрее. Да и в голову пришла мысль, что если без обсуждения подпишу все бумаги, меня оставят в покое и рассудок сразу придёт в норму.

Мисс Чопорс словно прочитала мои мысли, так как рядом с договором тут же появились перо и чернильница.

Моя начальница, отправляя меня в отпуск, грозилась лишить премии за звонки по работе, но ничего не говорила по поводу документов. Значит, можно. Тем более всё равно всё происходило понарошку.

Подпись была поставлена. Договор тут же скрутился в

трубочку и исчез, оставив после себя лишь блестящую пыль, которая медленно осела на столик и тоже пропала.

– У нас осталось две минуты, – неожиданно выдала старуха.

Она не исчезла, как я ожидала, не рассыпалась, не растворилась...

– К-какие две минуты? – Я почему-то начала волноваться.

– Портал закроется ровно через две минуты. Поторопитесь, мисс Харт, если не хотите платить штраф.

– Штраф?

– Вы внимательно прочитали пункт десять, подпункт «жэ»? Там говорилось об ответственности за неисполнение возложенных на вас обязанностей.

Кажется, до этого пункта я не дошла. Я же не воспринимала происходящее серьёзно.

– Осталась минута, – с чувством выполненного долга произнесла приговор мисс Чопорс и вопросительно посмотрела на меня.

Снова вызов, и снова я собиралась сдаваться. В том, что это сон, я уже не сомневалась, а значит, можно без опасений отрываться по полной.

– Что мне делать? – спросила я.

Мисс Чопорс одобрительно кивнула.

– Всего лишь коснуться рукой зеркала. Всё остальное я сделаю сама.

Стало почему-то страшно. Но успокоив себя ещё раз тем,

что всё происходящее мне элементарно снится, я вытянула руку вперёд и коснулась стекла.

Каково же было моё удивление, когда пальцы не ударились о холодную твердь, а увязли в прохладной жидкости. От моих прикосновений по поверхности пошли круги, и изображение мисс Чопорс покрылось рябью. Вздвогнув, я было одернула руку обратно, как вдруг с той стороны зеркала в мою ладонь намертво вцепились. Меня засасывало, как в болото, и сопротивляться не было сил. Сон явно не хотел прекращаться, и продолжение обещало быть захватывающим.

– Стойте! – вдруг крикнула я, обнаружив, что одета в домашние треники и футболку с рыжим котёнком. Не могу же я заниматься делами (пусть и во сне) в таком виде. – А моя одежда?! Мои платья?!

Я дёрнулась в сторону платяного шкафа. Но не тут-то было – у противника хватка оказалась сильнее, и вырваться мне не удалось.

– Там, куда мы направляемся, будут другие платья... – отдало в углах квартиры троекратным эхом ворчливое шамканье.

А после яркая вспышка и звон разбитого стекла ослепили и оглушили меня, и наступила темнота.

Глава 3. Так вот ты какое, Зазеркалье!

Я проснулась от того, что солнечный свет бил прямо в глаза. Должно быть, было уже двенадцать или около того. Солнце стояло высоко, а за окном шумели так, как обычно шумят в разгар делового дня: перекрикивались, продавали с лотка булавки, тесьму и яркие ленты, а также гроыхали колёсами по мостовой... Колёсами по мостовой? Но окна моей квартиры выходят на парк, а там только мамыши с колясками гуляют.

От ярких солнечных лучей неприятно резало глаза, но я терпела. Щурясь, пошарила взглядом вокруг, но ничего подозрительного не заметила. Одно только насторожило: я всё так же сидела за туалетным столиком, положив на него руки, а на них – голову, и передо мной висело всё то же овальное зеркало. Целое, без царапин и без чопорных старух.

Получается, я и правда видела сон. И держалась всю ночь этакой загогулиной. Теперь понятно, почему ужастик приснился. Посидишь так с полуночи до обеда – полчищам зомби не удивишься.

Однако что-то всё же было не так.

Шум.

Очень странный шум.

Скрип колёс, стук копыт и лошадиное ржание. Может, в парке проходит какое-то мероприятие?

Выпрямив руки и потянувшись, я зевнула и попробовала подняться. Вышло бодренько, чему я несказанно удивилась. Накануне-то пила много и слёз нарыдала целое ведро. Решив принять душ, повернулась, уверенно шагнула в сторону ванной комнаты и... столь же уверенно замерла на месте.

Это была не моя квартира. Совсем не моя. Вокруг стояла не моя мебель, и двери, ведущей в ванную комнату, тоже не было. Зато её место занял пузатый комод, и от кружевной салфетки, укрывавшей его поверхность, несло табаком. Дополнял тот натюрморт не менее пузатый графин, полный желтоватой воды, которую даже в засуху пить не захочется.

Дверь всё же нашлась. Она была деревянной, с широкой щелью у пола. В латунном замке торчал простенький ключ, какие часто продаются на блошиных рынках, а к ключу красной ниточкой была привязана деревянная бирка. И на бирке были выжжены цифры.

Поморгав, я потёрла кулачками глаза, подскочила к комоду, схватила кувшин и плеснула водой себе в лицо. Не могло. Я по-прежнему находилась в неизвестной мне комнате, одна, без денег и даже без телефона и к тому же одетая в чужую белую сорочку, доходившую мне до щиколоток. В таких сорочках барышни отходили ко сну если не сто, то двести лет назад точно. Но я-то живу в двадцать первом веке

и любовью к старине страдаю только в отношении особняков, стены которых поросли плющом, окна затянуло паутиной, фонтан у парадного крыльца забило травой и листьями, а комнаты полны антикварной мебели.

Не зная, что и подумать, я бросилась к окну – непривычный шум с улицы должен был прояснить происходящее. Но не успела я прильнуть носом к мутному стеклу, как в дверь вежливо постучали и приятным голосом поинтересовались: – Мисс Харт, вы проснулись?

Получается, кто-то ещё знал, что я нахожусь в этом странном месте. Но если меня здесь держат силой, то к чему манерность? В ситуации хотелось разобраться как можно скорее. Иначе я норовила вот-вот сойти с ума, если ещё не сошла. А если сошла, то вернулась бы в прежнее состояние и сошла с ума снова, но уже с удвоенной силой.

Отскочив от окна, я на цыпочках прокралась к двери и прислушалась. В коридоре было тихо, и только часы били где-то далеко, и надрывалась механическая кукушка.

Осторожно повернув ключ в замке, я приоткрыла дверь и... снова удивилась. Передо мной стояла дама, одетая в строгое платье кофейного цвета. Оно доходило даме до пят, а его рукава и ворот были отделаны молочно-белым кружевом. Бежевый передник был идеально чист и завязан на спине не каким-нибудь простым узлом, а крупным бантом, что добавляло даме важности и делало её очень похожей на гусыню. Русые волосы были аккуратно уложены и спрятаны под

таким же бежевым, как и передник, чепчиком. И единственным украшением на даме была янтарная брошь, камень в которой был крупным, бледно-желтым, и в самом его центре был навечно замурован комар.

– Мисс Шарлотта Харт? – вежливо поинтересовалась дама. – Простите, что беспокою, но меня просили зайти к вам ровно в полдень и передать это.

Дама, усиленно притворяясь, что мой растрёпанный вид её ничуть не удивил и не покоробил, протянула мне сложенную вчетверо и запечатанную сургучом бумагу. То, вероятно, было письмо, адресатом значилась я, а вот местом получения... гостевой дом «Три ключа».

– Гостевой дом? – пробормотала я. – Это, что же, отель? Так я нахожусь в гостинице?

Я вопросительно посмотрела на даму. Та недоуменно моргнула, как будто с ней разговаривали на непонятном ей языке, одернула передник и ответила невпопад:

– И не забудьте про саквояж. Вы его вчера перед сном так и не забрали у портье.

Саквояж? Чем дальше – тем чудесатее.

Дама вытянула вперёд руку и передала мне кожаную сумку среднего размера, набитую до отказа. К золоченому замочку была прикреплена деревянная дощечка, и на дощечке было выгравировано моё имя.

– Желаю вам хорошего дня, мисс Харт. И буду рада вновь видеть вас в «Трёх ключах», – услышала я и не успела опом-

ниться, как моей собеседницы и след простыл. Однако её голос можно было ещё долго слышать где-то за поворотом: громко отчитав кого-то за пятно на рукаве, она принялась выражать недовольство по поводу утренней выпечки.

Прикрыв дверь, я опустила саквояж на пол, прислонилась спиной к шершавой стене, надломила печать и развернула листок.

Я не ошиблась. То было действительно письмо, предназначенное действительно мне и подписанное некой графиней Р. А. Форестер. Она благодарила меня за то, что я приняла её предложение, и приглашала отобедать в поместье «Серебристые ивы», при этом добавив, что её экипаж будет ждать меня у дверей гостевого дома ровно в полдень. А ещё графиня надеялась, что содержимое сумки, переданной мне хозяйкой «Трёх ключей», придётся мне по фигуре и по вкусу.

После такого я совсем не знала что и думать. Разве только, что странный сон никак не хотел заканчиваться...

Улица встретила меня брусчатой мостовой, по которой проносились запряженные лошадьми повозки, и узенькими пешеходными тропинками, где две дамы с трудом могли разойтись, столь пышны были их платья. Босоногие мальчишки были назойливы, как мухи, и зазывали проходивших мимо состоятельных господ на чистку обуви. Нашёлся и попрошайка – он мигом нарисовался рядом со мной и, шмыгнув носом, протянул грязную ладошку. Монет у меня не бы-

ло. Да у меня вообще ничего не было, кроме одежды, выуженной из саквояжа, и заколки в форме летящей ласточки, которую я тоже нашла в сумке и которой заколола непослушные волосы. Отдать мальчонке заколку? Он мог бы обменять её на еду. Для меня-то она всё равно никакой ценности не представляла, к тому же я спала...

Благому делу не удалось свершиться. Какой-то мужчина вдруг подскочил ко мне, цыкнул на пацанёнка – того и ветром сдуло – и подал мне руку, другой указывая на богатый экипаж, на который не пялился только ленивый.

– Госпожа Шарлотта Харт, леди Форестер ждёт вас. Позвольте, я помогу.

Ловко и умело усадив меня в карету, он аккуратно захлопнул дверцу, заскочил на козлы и дёрнул поводья. Лошади пошли вперёд, экипаж дёрнулся, и я дёрнулась вместе с ним.

Моему любопытству не было предела. Отодвинув в сторону гранатового цвета шторку, я высунулась в окно и с жадностью рассматривала всё вокруг.

Городок, откуда меня везли в неведомые «Серебристые ивы», оказался совсем крошечным. Мы всего-то проехали по вымощенной камнем улице на десять двухэтажных домов с правой и левой сторон, как «цивилизация» закончилась, дорога пошла ухабистая, с колеями и ямами, вокруг пёстрыми покрывалами расстелились луга и поля, а где-то вдалеке начинался чёрно-зелёного цвета лес, густой и непролазный. И нигде не было видно ни одного небоскрёба, и ни одна ма-

шина не промчалась мимо. В какой-то момент мне почудилось, что я попала в сказку и мчусь в карете, подобно принцессе, навстречу к прекрасному принцу, но сказке быстро настал конец, потому что чудесные пасторальные пейзажи скоро приелись, а тряска началась такая, что меня стало укачивать. Ещё и эта одежда... Неудобная, тесная, с кучей тесёмок и кружев – ни усесться нормально, ни прилечь. Всюду давит, колет, режет и чешется.

На моё счастье у нас разболталось колесо, и кучеру пришлось остановить экипаж, чтобы заняться починкой; я же с радостью вывалилась на улицу немного размять ноги.

– Долго ещё нам? – поинтересовалась я у возницы.

– До «Серебристых ив»? – уточнил он. – Да рукой подать. Если б не эта погань, – кучер ткнул пальцем в колесо, – уже подъезжали бы.

Хорошо, что рукой подать. Иначе я не выдержу.

Кучер не соврал. Выглядывая в окно, я насчитала ещё с десяток полей, как наша карета свернула влево, дорога выровнялась, а по сторонам замелькали не кривые деревья, а ровно подстриженные кусты и кадки с цветами.

Пролетев по ухоженной аллее и мимо двух каменных львов, с важным видом застывших на пьедесталах, лошади выскочили на залитую солнечным светом площадку, в центре которой стоял огромный каменный цветок, окружённый всё теми же львами, но только теперь в количестве штук семи или даже девяти, прямо к широкому крыльцу с высоки-

ми серыми ступеньками, ведущими внутрь такого же серого особняка в три этажа, с высокими окнами и широким балконом, нависающим прямо над крыльцом.

Меня ждали. На самой верхней ступеньке, у массивных дубовых дверей стояли две женщины. В одной из них я без труда узнала явившуюся мне в зеркале мисс Чопорс; другая была мне незнакома. Лет тридцати, может, чуть больше, она была красива, но холодна лицом, её тонкие губы были плотно поджаты, а курчавые светлые волосы спрятаны под широкополой шляпой. Одета она была в светлое платье, расшитое к низу лиловыми ирисами, а затянутые в кружевные перчатки руки крепко сжимали тоже лиловый, шёлковый зонт, под которым было удобно прятаться в летний зной.

Рядом с дамой с ноги на ногу переминался мужчина. Он выглядел лет на десять старше и зачем-то носил на поясе хлыст. Его такие же курчавые волосы выбивались из-под шляпы, что была ему явно мала, а усы топорщились в разные стороны, как перья нахохлившейся на морозе птицы, и были для его лица, напротив, слишком длинны.

Спрыгнув с козел, уставший кучер отвесил даме и мужчине низкий поклон и только после этого занялся мной. Отворил дверцу и помог выбраться. Последнее получилось у меня крайне неуклюже: вымотанная на кочках, я умудрилась запутаться в полах платья и, если бы кучер не подхватил меня, распласталась бы перед крыльцом расплюснутой лягушкой. Но фиаско удалось избежать, и, оправив неудобный наряд

и пригладив волосы, я сделала шаг вперёд и остановилась, потому что в этот момент дама передала зонт мисс Чопорс, всплеснула руками и радостно воскликнула:

– Как же мы вас ждали!

Я тоже ждала. Ждала, когда приеду хоть куда-нибудь, потому что терпеть ухабы и рытвины было тяжело даже во сне.

Дама двинулась мне навстречу, и мисс Чопорс и мужчина тут же последовали за ней.

– Рене Форестер, – представилась дама, схватила меня за руку и по-дружески затрясла. – Но для вас просто Рене.

– Очень приятно, леди Форестер, – ответила я, сообразив, что передо мной и есть та самая графиня. – Отличный день, лорд Форестер, – поспешила я предвосхитить события и перевела взгляд на мужчину, появившемся из-за спины графини.

Фиаско, не настигнувшее меня при выходе из экипажа, всё же улучило момент и оторвалось на мне пусть не тогда, так сейчас.

Все трое моих новых знакомых внезапно помрачнели, а мисс Чопорс выдавила скорбным голосом:

– Леди Форестер – вдова, мисс Харт.

Глава 4. Обед в «Ивах»

Что ж, впервые за много лет работы с клиентами (как настоящими, так и посещавшими меня во снах) я допустила ошибку. Спеша извиниться, я набрала в лёгкие побольше воздуха и уже почти выпалила заготовленную фразу, как меня опередили. Усатый господин переглянулся с графиней и басовито выдал:

– Не заморачивайтесь. Вы же не знали. – И тут же добавил: – Позвольте представиться – Джейс Норман. И мы действительно невероятно рады вашему приезду.

– Сэр Норман – мой кузен, – пояснила графиня. – Какое же счастье, что он меня не забывает и не даёт мне скучать в одиночестве. Не так ли, Джейс?

Графиня одарила сэра Нормана лукавой улыбкой.

– Рене, так я же только рад, – пробасил тот.

– Ты всегда желанный гость в моём доме, – тут же вернула долг вежливости графиня.

Милые родственники, подумала я, а вслух произнесла, осматривая фасад особняка, украшенный пилястрами:

– У вас прекрасный дом. Уверена, ужин в приятной компании в этих стенах легко прогонит любую скуку.

Как тут же выяснилось, и эта фраза пришлась невпопад.

Леди Форестер и её кузен опять переглянулись, и сэр Нор-

ман, кашлянув в кулак, сказал:

– Рене живёт в двадцати милях отсюда. В поместье своего отца. Слышали о «Ласточках»? Нет? Там не так помпезно, как здесь, но очень уютно. Сидишь порой на веранде, пьёшь чай, птицы поют...

Сэр Норман закрыл глаза и продолжал вдохновенно перечислять всё то, что столь сильно его радовало, а я мимолётом подумала, что и в этом доме должна быть своя шикарная веранда, да и нависающий над нами балкон был неплох, а уж птицы заливались – заслушаться можно.

Когда сэр Норман закончил со списком, его кузина облегчённо выдохнула и, переведя взгляд на меня, с долей беспокойства в голосе объяснила:

– Я желаю продать «Серебристые ивы». И желаю сделать это как можно скорее. Поэтому мы и пригласили вас. Впрочем, давайте пройдем в дом. Не люблю обсуждать дела у входных дверей. И надеюсь, вы основательно проголодались, мисс Харт, потому что сегодня у нас на обед утка с соусом из... Из чего там у нас соус, мисс Чопорс?

– Из каштанов, – пришла на помощь помощница. – Из каштанов и с красным вином.

Звучало вкусно, ведь я и правда проголодалась. Оказывается, во сне вполне себе можно испытывать все те же ощущения, что и в реальной жизни: голод, жажду, сонливость... С сонливостью вообще чудеса! Разве так бывает, что хочется спать во сне?

Высокие дубовые двери распахнулись, впуская нас. Без скрипа, что было удивительно, потому что из своего опыта я знала, что в старинных домах обязательно что-нибудь да скрипнет. Ждать долго не пришлось – скрипнула половица у парадной лестницы. Ни мисс Чопорс, ни сэр Норман на тот скрип никак не отреагировали, зато леди Рене скривилась, и эта мимолетная гримаса ужасно портила её миловидное личико.

Графиня Форестер была невероятно красива. Настолько красива, что глядя на неё, впору было жмуриться, так сильно та красота ослепляла. Со светлыми кудряшками и зелёными как мох глазами, великолепно очерченными скулами и губами цвета розового персика, она походила на очаровательную фарфоровую куколку, каких выставляют в своих лавках антиквары.

Зато кузен Джейс был малопривлекателен. Тоже светловолосый и кудрявый, телосложением он сильно походил на медведя, неуклюжего и медлительного. Говорил, сильно сглатывая окончания, и чуть не упал, запнувшись о порожек, когда мы переходили из музыкальной гостиной в столовую.

Сказать, что дом внутри был прекрасен, – ничего не сказать. Дом был роскошен! Это было совершенно непохоже на то, что я когда-либо видела в жизни. Изысканный вкус чувствовался в каждой мелочи, будь то подставка для зонтов или подхваты для штор. Ни одна комната не походила на другую, но вместе они складывались в единый ансамбль, в

котором не было ничего лишнего и ничто не смотрелось вычурно или не на своём месте.

Вот – книги в кожаных переплётках. Одна до сих пор лежит раскрытой на столике из белёного дуба, и середина заложена засушенным цветком клевера. Что за роман позабыли убрать на книжную полку? А, может, и не забыли вовсе, а читают по страничке до сих пор?

Вот – диван, обитый шёлком цвета спелой брусники. Как удобно он расположился у стены, прямо под яркими картинами и напротив небольшого клавесина, на котором стояла статуэтка балерины.

А вот – угловой шкаф, в котором за стеклом стоят шахматы из слоновой кости и крошечные нефритовые статуэтки морских и земных тварей.

Всего не перечислить. Глаз хватается за одну мелочь, перескакивает на другую, подмечает третью и любитесь четвёртой. Чтобы всё осмотреть, одного сна точно не хватит – понадобятся годы.

Круглый стол в просторной столовой, окнами выходившей на восток, был накрыт на троих. Сэр Норман заботливо отодвинул стул для своей кухни и помог ей сесть. Мне же помощь оказала мисс Чопорс.

– Теперь можно и о делах, – ласково пропела Рене Форестер, отдав команду нести холодные и горячие закуски. – Мисс Харт, вы только что имели возможность осмотреть небольшую часть дома. Другая его часть не менее хороша.

Я кивнула. Я была согласна с каждым словом этой прелестной женщины. Если первые комнаты поразили меня настолько, что я буквально не могла дышать, то что же будет дальше?

– И мне бы хотелось знать вашу предварительную оценку, – продолжала леди Форестер. – Что думаете? Есть у нас шанс продать его в сжатые сроки и по этой цене?

Графиня озвучила сумму, которую хотела выручить за дом.

У меня в горле застрял комок, и ладони вспотели.

– Леди Форестер, – заикаясь, начала я, – ваш дом стоит дороже! Берите в пять... нет... в шесть раз больше! Да какое там в шесть – в десять раз!

Но графиня на мою тираду отреагировала невозмутимо.

– То есть, – начала она, – вы считаете, что на мою цену мы быстро найдём покупателя?

– Слетятся как осы на кусок торта! – воскликнула я. – Если утром разместить объявление – к вечеру уже получим задаток.

Лица графини и её кузена светились счастьем.

– Мы согласны! – хором ответили оба, а я совсем растерялась.

Никогда в жизни не видела, чтобы так легко и дёшево расставались с настоящей ценностью. Синдром бизнес-леди подсказывал мне, что надо быстрее брать быка за рога и стричь комиссионные, которые, если я правильно помнила

текст договора, были фиксированные, а не процент от суммы сделки, но здравый смысл и забота о благополучии клиента не давали покоя даже во сне, поэтому я сделала ещё одну попытку.

– Этот дом и его обстановка – настоящее произведение искусства. Продавать за бесценок – ошибка. Не лучше ли тогда его сдавать? Одна только годовая аренда принесёт в три раза больше денег, чем сумма, что вы назвали.

– Нет, – отрезала графиня. – Только продавать. Никакой сдачи в аренду или прочей самостоятельности.

Всё же оставались ещё на земле люди, пусть они и жили во сне, которым не нужны были деньги!

– А если переделать дом в галерею? Проводить тут концерты и организовывать выставки? – ухватила я за последнюю соломинку, но поняла, что и тут прогорела, потому что графиня сразу поникла и даже хлюпнула носом. Почти незаметно. Ровно так, как и положено даме из высшего общества.

Кузен Джейс накрыл изящную ладонь леди Форестер своей широченной лапой.

– Позволь мне, дорогая кузина, – вежливо спросил он разрешения и, заручившись одобрением, посмотрел на меня. – Возьму на себя смелость, мисс Харт, и раскрою перед вами некоторые карты, после чего вы сразу всё поймёте. Этот особняк... Этот роскошный особняк перешёл к Рене сразу после смерти её благородного мужа, графа Форестера. Его смерть была настоящей трагедией для всех. Мы даже носили

траур на месяц дольше положенного.

– На два, – поправила кузена леди Форестер, всхлипнула, вынула из кармашка на поясе белоснежный платок с вышитыми на нём своими инициалами и, краснея от стыда, высморкалась.

– На два, – повторил сэр Норман и продолжил: – Время шло, боль утраты затихала, и все мы надеялись, что скоро наша жизнь вернётся в привычное русло, но не тут-то было. Всякий раз, когда Рене приезжает в «Ивы», на неё нападает такая тоска по горячо любимому супругу, что она впадает в депрессию на несколько недель и выходит из неё постаревшей на год и с кучей седых волосы.

– Так уж и кучей, – недовольно оборвала кузена графиня Форестер.

Что наш век, что другой – ни одна женщина не захочет, чтобы её выставляли в глазах другой постаревшей невзрачной.

– Мне виднее, – одёрнул кузину сэр Норман.

– Тогда давайте наймём управляющего, – предложила я. – Он будет искать арендаторов, сдавать дом, приглядывать за имуществом. Вам, леди Форестер, не придётся больше сюда приезжать. Будете вызывать управляющего к себе и вникать в дела на расстоянии.

Но графиня покачала головой.

– Есть ещё один момент, мисс Харт, который вы не знаете, – полным печали голосом сказала она. Кузен Джейс хотел

было перехватить инициативу с рассказом, но графиня не позволила. – Мой супруг, граф Форестер, не только умер в самом расцвете сил, но и прямо в этом доме. Поскользнулся на лестнице и ударился головой о пол. Удар, – графиня почти рыдала, – оказался смертельным. С того дня любая мысль об этом доме мне противна. Любое его упоминание, будь я даже в ста милях от этого проклятого места. Всё, что я хочу, – это избавиться от него поскорее. Отдать любому человеку. За любую цену. Лишь бы больше не слышать о нём и не видеть его. Иначе я просто сойду с ума. Даже сейчас сижу здесь, надеясь насладиться уткой, а перед глазами так и стоит образ любимого... Знаете, у него была привычка после обеда сесть у окна и выкурить сигару. И сидел он обычно вон там, в том золочёном кресле.

Графиня махнула рукой в нужном направлении, а я обернулась. В этот самый момент мисс Чопорс важно проплыла мимо. В её руках был поднос, уставленный аппетитными кушаньями.

Желание клиента – закон, даже если оно кажется на первый взгляд неразумным. Хотя теперь, зная нюансы, неразумным оно мне не казалось. До того как уснуть, я и сама хлопала носом от каждой мелочи, напоминавшей мне о Рэе. Что уж говорить о целом доме, в котором граф и графиня Форестеры жили счастливо, наверно, не один год, пока не случилась трагедия.

– Теперь я вас понимаю, – сдалась я и повернулась к столу.

Блюды заметно прибавилось, и кузен Джейс увлечённо гремел вилкой по тарелке, соскребая с неё остатки паштета. Ле-ди Форестер же сидела прямо, наблюдая за тем, как мисс Чопорс подаёт ей сырную закуску.

– Я завтра же размещу объявления. – Я рьяно взялась за дело. – Только подскажите, в каких газетах это лучше делать.

Жаль, что интернета и телевидения в этом сне не полагалось.

Графиня Форестер кивнула и подцепила вилкой сырный кубик.

– Мисс Чопорс передаст вам список периодических изданий, специализирующихся на недвижимости, – сказала она.

Наконец-то тревога на её лице развеялась, и к нему вернулось прежнее очарование. Видать, хороший сыр к столу подали, раз он смог так быстро стереть печаль. Нужно было и мне попробовать. С этой мыслью я стащила с общего блюда несколько кубиков и, обмакнув один из них в мёд, отправила в рот. Вкус был божественный! Отличный сон! Побольше бы таких!

– С вашего позволения я осмотрю сегодня дом, – прожевав, выдала я.

– Конечно, – легко и непринуждённо щебетала Рене. – К сожалению, не смогу составить вам компанию. Хочу вернуться домой прежде, чем наступит время ужина. Но мисс Чопорс без труда проведёт вас по всем тем комнатам, которые я не успела показать. Также она передаст вам архи-

тектурный план здания и все записи по проводимым реконструкциям. Покупателям это может быть интересно, ведь дому более четырёхсот лет. О деньгах не беспокойтесь. Все расходы смело и без колебаний записывайте на моё имя. Нашу семью в округе знает каждый, так что проблем не возникнет. О вашем проживании мы тоже позаботились. Гостевой дом «Три ключа» вам понравился? Я хорошо знакома с хозяйкой, и она обещала отдать вам лучшую комнату. Передвигаться из города в «Ивы» и обратно можете в моём экипаже. Лакея зовут Карл. Он доброжелателен, но немного ленив и любит играть в карты. Вы любите играть в карты, мисс Харт?

Про карты я как-то пропустила мимо ушей. Больше всего в ту минуту меня волновало известие о «Трёх ключах» и идея мотаться туда-сюда в тесной повозке. Меньше всего мне хотелось снова трястись килькой, запертой в консервной банке. Опять будет качать, а с качкой я была совсем не в ладах.

Набравшись смелости, я выпалила:

– А ещё не поздно отказаться от комнаты в «Трёх ключах»? Или предоплата уже внесена?

Мой вопрос удивил леди Рене и сэра Джейса; кузен Норман даже забыл, за какой закуской тянулся через стол, да так и замер с поднятой рукой.

Леди Форестер досадливо всплеснула руками.

– Я так и знала, что качество обслуживания в том местечке испортилось. Оно, признаюсь, и раньше-то было не на вы-

соте. Прошу простить нас, мисс Харт. Наш выбор пал на тот гостевой дом лишь потому, что он находится в самом ближайшем городке от «Серебристых ив». Ничего приличнее ближе не найти.

– П-постойте, – почему-то заикаясь, перебила я. Правда о моей непереносимости графского экипажа вряд ли была бы приятна графине, поэтому, умолчав детали, я предложила: – Я могла бы остановиться здесь, в этом доме. Это и мне полезно – изучу местность как следует. И для вас меньше расходов, и клиентам удобно. Не придётся договариваться по времени. Захотели – приехали. Я всегда на месте. Всё покажу, расскажу, подпишу. Вы же хотите продать дом побыстрее, а так точно быстрее выйдет.

Оба – леди Форестер и её кузен – зашлись таким сильным кашлем, словно поперхнулись. Одновременно. Что ж, и такое бывает, особенно если одна из закусок – куриные крылышки, обжаренные в сухариках.

– Простите, – во второй раз за ужин покраснела графиня и поднесла к губам бокал с водой. Жадно отпив, помахала рукой у лица, будто прогоняла жар, а затем сделала ещё пару глотков.

Её кузен был менее эмоционален – он просто выхватил из ведёрка со льдом откупоренную бутылку вина, налил себе до краёв и хряпнул всё в один присест. Забыв про разложенную на коленях тканевую салфетку, вытер усы рукавом и снова взялся за бутылку, но леди Форестер не дала про-

должить беспорядочный перевод напитков. Тронув кузена за руку, мигом его успокоила и, пододвинув ко мне ближе тарелку с тушеными патиссонами, объяснила:

– Простите нас, мисс Харт. Я и Джейс всегда немного неадекватно реагируем на любое желание кого-либо остаться в доме больше чем на пару часов. И всё из-за моего покойного мужа. Вы же понимаете?

Взгляд её зелёных глаз был столь пронзителен, что во всём мире не нашлось бы человека, кто в данную секунду не почувствовал бы ей и не всхлипнул с ней вместе.

– Мы до сих пор не можем смириться с тем, что он мёртв, – меланхолично продолжала Рене, – а ведь столько лет прошло... До сих пор, приезжая сюда, переживаем трагедию, как если бы она произошла только что.

– Но я – не вы, – остановила я полное тоски повествование. – Я буду чувствовать себя в этих стенах вполне комфортно и спокойно. И обещаю, что найду покупателя в кратчайшие сроки! Вы даже моргнуть не успеете, а уже придётся передавать ключи.

– Обещаете? – радостно воскликнула Рене.

– Обещаю, – уверенно кивнула я.

Во сне можно было давать какие угодно обещания, но, случись наш разговор в реальной жизни, я бы поступила так же. Продать дом почти даром – что может быть проще? В моей карьере подобных дел было всего три, и с каждым я справилась меньше чем за пару суток.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь, миледи, – в нашу беседу внезапно вклинилась мисс Чопорс. Всё это время она стояла в дверях и ловила каждое наше слово. – Если мисс Шарлотта и правда останется в доме, то мне потребуются помощницы. Одна я не справлюсь.

– Я не возражаю, – ответила графиня. – Пригласите миссис Робин и двух её дочерей. Позабыла, как их там зовут? Эмма и... Мара? Мира? Мэри?..

– Мэгги, – хихикнул в бокал кузен Джейс, отчего схлопотал брызгами в нос. А ещё леди Форестер одарила родственника таким гневным взглядом, что даже у меня мурашки побежали по спине.

– Её младшую дочь зовут Мелани, – подсказала мисс Чопорс. – С вашего позволения я их всех троих и приглашу.

– Что ж, тогда приступим к утке, – обрадовалась графиня, и мисс Чопорс послушно уплыла в сторону кухни.

Мы ещё долго обсуждали и дом, и окрестности. Когда после основного блюда подали десерт и сладкую ягодную наливку, мне заодно вручили и список местных газет. Их насчитывалось всего пять штук, и каждая выходила в свой определённый день. Больше всего меня заинтересовало издание «Ивовый вестник». Как пояснил кузен Джейс, оно освещало по большей части местные скандалы, но выделяло и целую полосу для разного рода объявлений, как, например, пропажа котов или попугаев, однако встречались и серьёзные вещи. «Ивовый вестник» пользовался популярностью у

высшего общества, развозился по соседним городкам и выходил раз в три дня ровно в полдень. Следующий выпуск планировался на завтра.

– Мы раньше печатали всё в нём, – сказала графиня. – Даже текст сохранился. Дорогой кузен, вы взяли с собой ту бумажку?

Сэр Норман с видом знатока вытащил из нагрудного кармана сложенный в много раз листочек. Развернул и протянул мне.

Текст мне понравился. Кратко и по делу. Именно так и пишутся объявления о продаже домов. Что ж, можно было попробовать возобновить публикацию. В том же «Ивовом вестнике». Если отправить кучера в редакцию прямо сейчас, то успеем попасть в завтрашний выпуск. Именно это я и предложила графине, и тут же заручилась её одобрением.

Вскоре хозяйка «Серебристых ив» приказала готовить её экипаж. Ей и сэру Норману пора было уезжать. Как пояснила леди Форестер, их пребывание в доме уже затянулось и воспоминания об утрате с каждой минутой становились тягостнее. Я не возражала, тем более и сама немного устала от графини, настроение которой менялось от слёз до заливистого смеха столь быстро и часто, что впору было покрутить пальцем у виска. Нервы, подумала я и, наименее лучшим образом распрощавшись с леди Форестер и её кузеном, поднялась на второй этаж, вышла на балкон и стояла там, осматривая окрестности и просто наблюдая.

Вокруг было тихо и красиво. Чуть вдалеке блестела озёрная гладь, над которой склонились плакучие ивы. Цвет их бледной листвы и правда отливал серебром, и я не могла не отметить про себя поэтический вкус человека, кому пришло в голову назвать поместье в их честь.

Однако поэзия и умиротворение царили не повсюду. Внизу, например, под самым балконом, графиня Форестер, залезая в карету, по непонятной мне причине огрела кузена Джейса зонтом по спине и даже как-то злобно огрызнулась в его адрес. Чем таким сэръ Норман смог разозлить столь воздушное создание, как Рене Форестер, я так и не смогла расслышать – дверца кареты с шумом захлопнулась, и экипаж быстро тронулся с места. Я же постояла ещё немного, а затем ушла с балкона обратно в дом и начала спускаться на первый этаж.

Лестница была длинная и широкая, устланная красивейшей, но местами потёртой, ковровой дорожкой, и с не менее прекрасным ковром, встречавшим гостей у первой ступеньки. Я была уверена, что эта лестница знала немало гостей, что прибывали в дом на музыкальные вечера или просто без дела. Может, среди тех людей были и местные знаменитости...

Замечтавшись, я сошла на первый этаж, но не успела сделать и двух шагов, как что-то хлюпнуло. Опустив голову и испуганно посмотрев под ноги, я увидела, как из-под ковра, придавливаемого к полу моим весом, вылезает нечто тём-

но-красное и густое. На мгновенье у меня потемнело в глазах, и меня повело. Я бы, наверно, упала, если бы в тот момент меня не подхватили под локоть и не увели в сторону, усадив в кресло.

– Вам плохо? У меня есть нюхательная соль, – раздался надо мной голос, в котором я без труда узнала мисс Чопорс. Я помотала головой.

– Мне уже лучше.

– Вас что-то напугало, мисс Харт?

– Напугало? – чуть не взвинтилась я. – Это ещё мягко сказано! У вас кровь под ковром!

Мисс Чопорс подошла к лестнице и наклонилась.

– Как вы это объясните? – едва не дрожала я.

Мисс Чопорс равнодушно пожала плечами.

– Утром разгружали продукты, и ящик с уткой стоял на этом самом месте. Стоял долго. Видимо, та разморозилась раньше времени, вот и потекла.

– Утка? – кипела я. – Продукты следует заносить через чёрный ход, а вы используете парадный?! Какое безобразие. Надеюсь, леди Форестер об этом не знает?

– Прошу, не говорите ей, мисс Харт. Это первый и последний раз. Обещаю, что больше не допущу такой оплошности.

– На первый раз я вас прощаю, но если замечу снова...

– Это больше не повторится.

Облегчённо выдохнув, я поднялась.

– Приберите здесь, – распорядилась я. – И особенно тща-

тельно промойте ковёр. Чтобы ни одного пятнышка не осталось.

– Я всё сделаю, – ответила мисс Чопорс и виновато отвела взгляд.

А я про себя подумала, что сон уж слишком затянулся.

Глава 5. Утка и затерявшийся ключ

За окном щебетали птицы, а я лежала в кровати с закрытыми глазами и под одеялом, натянутым вплоть до самой макушки.

Мне было страшно.

Страшно открыть глаза и обнаружить себя всё в том же непрекращающемся сне, в котором я носила на себе кучу неудобных юбок с рюшами и не могла по-человечески принять ванну просто потому, что привычной нам канализации в моём сне не предусматривалось.

Сама ванна, правда, была. Точь-в-точь такая, какую в прошлом году я видела на аукционе антиквариата. Вот только краны и сливы к ней подведены не были; вместо этих удобств рядом стояли два огромных чана с горячей и холодной водой, а роль смесителя играл самый обычный металлический черпак.

Зато полотенца оказались пушистыми и мягкими на ощупь. От них едва уловимо веяло лавандой, и это благодаря её аромату я уснула сразу, как только коснулась головой подушки, что была, как облако, воздушна.

Теперь же пришла пора просыпаться, и, укрыв себя с головой, я только и делала что молилась, чтобы наконец увидеть потолок родной квартиры, как только скину с себя оде-

яло.

Раз. Два. Три.

Потолок был. Но не обычный белый с мягким светом по периметру, а отделанный широкой золочённой планкой и с низкой люстрой посередине, в центре которой сидел стеклянный ангелочек с лютней.

Я громко застонала. Я всё ещё спала, всё ещё находилась в чужом для меня доме в три этажа и с погребом впридачу, в чужой спальне, на чужой кровати, и всё вокруг было такое чужое-чужое, пусть и красивое, что хотелось скорее выть, чем наслаждаться.

Внезапно меня осенило.

Может, в реальности со мной что-то случилось, и на самом деле я сейчас лежу в коме, и потому вижу всё это? Живу своей жизнью во сне, в мире, которое нарисовало мне моё воображение, где даже работа какая-никакая наклюнулась. Всё идёт спокойно и своим чередом, а там, по ту сторону сознания, врачи борются за мою жизнь и вот-вот приведут меня в чувство.

От этой мысли я даже вздохнула с облегчением. Спрыгнув с высокой кровати, перина на которой была провалена так сильно, что у меня разболелась спина, я немного побродила по комнате, заламывая пальцы и продолжая размышлять на тему моего странного сна, но ничего убедительнее комы не придумала. Что ж, чувствовала я себя прекрасно, и оставалось только ждать, полагаясь на профессионализм медиков,

— лично от меня теперь мало что зависело.

А раз так, то почему бы не насладиться пребыванием в старинном особняке? Мечтала ведь съездить с Рэем в какой-нибудь городок, где можно было бы снять нечто подобное на выходные и, окунувшись в старину, хоть на пару дней почувствовать себя благородной леди. Маркизой там или баронессой, или даже графиней.

В реальной жизни, как известно, осуществить мечту не получилось. Так почему бы не оторваться по полной во сне? К тому же весь дом в моём распоряжении. Жаль только, что я в нём одна, и обаятельного графа к особняку, расположившемуся у озера и среди ив, увы, не прилагалось. Да если бы и дали, я бы, наверно, не согласилась: слишком сильно ещё кровоточила рана после разрыва с Рэем...

С третьего этажа на первый я спускалась медленно. Рассматривала всё вокруг, словно видела в первый раз, хотя вчера до поздней ночи бродила по комнатам в компании мисс Чопорс и увесистого подсвечника на две свечи, изучая каждую мелочь. Придаться было не к чему: всё вокруг было идеально. Разве только у самой лестницы, ведущей на чердак, я обнаружила два слоя паутины, но мисс Чопорс ловко смахнула её рукой.

Экономка графини Форестер оказалась женщиной немногословной. На вопросы, которые я задавала, она отвечала односложно, а когда я попробовала шутить на тему зеркал, мисс Чопорс и вовсе поджала губы и не проронила ни сло-

ва. Красноречием она удивила лишь раз, и случилось это на втором этаже, у дверей одной из комнат, ничем не примечательных и ровно таких же, как и все остальные.

Передав мне в руки подсвечник, мисс Чопорс с минуту теребила связку ключей, отыскивая нужный. Затем хмыкнула и невозмутимо произнесла:

– Кажется, ключ от этой комнаты попал на другую связку. Ту, что от третьего этажа. Я их все на днях чистила – могла перепутать и не туда привязать.

По третьему этажу мы прогуливались ровно два часа назад, до того, как прерваться на перерыв на чай, и я не помнила, чтобы мисс Чопорс недоумевала по поводу лишнего ключа. Решив лишний раз не умничать, я спокойно сказала:

– Так принесите все ключи от третьего этажа. Найдём нужный. Завтра в полдень выходит наше объявление. До этого времени я должна успеть рассмотреть здесь каждый уголок и убедиться, что знаю, что продаю.

Однако мисс Чопорс не сорвалась с места и не побежала исправлять оплошность, а продолжала копаться в связке, при этом что-то бормоча себе под нос.

– Этот не подходит, – с трудом различила я. – Этот тоже. Может, этот?

Я не выдержала.

– Мисс Чопорс, вы сказали, что нужного ключа у вас при себе нет, так зачем вы их сейчас примеряете?

Уличённая в нелогичности своих действий экономка на

секунду замерла, а затем промычала:

– Ту связку ещё найти надо...

– То есть как? – растерялась я. – Вы же пользовались ими два часа назад. Вы их, что, потеряли?

Мисс Чопорс вспыхнула.

– Как вы могли такое допустить? За все годы моей службы в этом доме я никогда ничего не теряла из имущества хозяев, а только приумножала их богатства.

– Тогда, – выдохнула я, – вы от меня что-то утаиваете. Что? То, что за этой дверью? Что там? Труп? – зачем-то грубо отшутилось я под конец.

Однако экономка на «шутку» никак не отреагировала, и я повторила вопрос:

– Так я жду, мисс Чопорс. Что там?

– Там до сих пор не убрано, – отчеканила экономка, тем самым второй раз за день расписавшись в своей некомпетентности. Первым был случай с уткой.

– К завтрашнему полудню успеете навести порядок? – только и спросила я.

– Конечно, успею, – расцвела мисс Чопорс и перестала греметь ключами.

А я на всякий случай подёргала круглую и начищенную до блеска ручку и, убедившись, что дверь и правда крепко заперта, пожала плечами и пошла дальше. В конце концов, одна комната погоды не делает.

Но именно об этой комнате я вспомнила прямо сейчас,

ступив на площадку второго этажа и бросив взгляд в сторону длинного, пустого коридора, в котором веселился залетавший через открытые окна тёплый южный ветер.

Остановившись у двери, я почему-то долго на неё смотрела. Так смотрят археологи на врата, ведущие в гробницы фараонов, при этом вначале читая предупредительные надписи и только затем делая первый шаг внутрь. Здесь никаких надписей не было, но и внутрь мне было не попасть, потому что дверь оставалась закрытой. Я это проверила, коснувшись круглой ручки. И в ту же секунду меня обдало холодом. Неужели ветер усилился и сменился с южного на северный? От такого дубака запросто к вечеру с соплями слечь.

Но мои опасения оказались напрасны. Пара шагов прочь от двери – холод прекратился, тепло вернулось, пальцы больше не леденели, и дрожь не шла по плечам. Возможно, всё лишь почудилось?

Теряясь в догадках, я вернулась на лестницу и продолжила спускаться. Перед самой нижней ступенькой остановилась и внимательно осмотрела расстеленный на полу ковёр. На этот раз из-под него ничего не выползало и не вытекало, да и пятен, уродующих узор, тоже не было. Ковёр был чист. Я довольно промурлыкала и смело ступила на самый его край.

И зря!

Подлая бахрома под моими ногами уподобилась скользким червям – я не удержалась и грохнулась на пол. Распластавшись расплюснутой лягушкой, некоторое время лежала

и соображала, жива я ещё или уже нет. Оказалось, что жива и даже ничего себе не сломала. Только правое колено сильно болело.

Дунув на упавшие на лицо волосы, охая и ахая, я кое-как поднялась и села. Потянула на себя ненавистные мне юбки платья, задрала их и обнаружила на коже приличного размера ссадину, которая при этом ещё и кровоточила.

Двигаться было тяжело, и я с трудом поднялась на ноги. Вид у меня был... совсем непрезентабельный. В некоторых местах от платья оторвалось кружево, на рукавах-фонариках треснула тесьма, аккуратно приделанный к поясу кармашек, украшенный бирюзой, потерял с горстку самоцветов, и мелкие камешки теперь где только не валялись. А волосы так вообще растрепались – заколка слетела, и только ей одной было известно, куда она соизволила закатиться.

Ковру тоже досталось: в месте, где я умудрилась столь неуклюже приземлиться, он собрался складками. Если придут покупатели, ковёр и парадная лестница станут первыми, на что они бросят взгляд. Нельзя позволять ему лежать гармошкой – нужно срочно распрямить, разгладить и вернуть на прежнее место. Одной мне в моём нынешнем состоянии такое вряд ли под силу провернуть – нужно звать на помощь мисс Чопорс. Однако, сколько я ни звала, на мой крик никто не явился: в доме было тихо и безлюдно, и даже завтраком не пахло.

Что ж, мне было не впервые наводить порядок в домах

перед показами. По договору в мои обязанности подобное никогда не входило, но ситуации случались разные. И бывало, чтобы остаться в бизнесе и на первой строчке среди лучших в своём деле, достаточно было не выделяться и просто махнуть пару раз шваброй. Ну, или штору поправить, или книги ровно стопочкой сложить.

На этот раз испытанием стал ковёр. И всё бы хорошо, если бы не моя нога...

Хромая, я подковыляла к лестнице, нагнулась, продолжая кряхтеть от ноющей боли, ухватилась за толстенный край шедевра ткацкого дела и потянула, выпрямляя. Но ковёр, вместо того чтобы занять прежнее место у нижней ступеньки, пополз совсем в другую сторону, предъявляя моему изумлённому взору пренеприятнейшую картину: кровавая лужица, что я обнаружила вчерашним вечером и которую мисс Чопорс клятвенно обещала убрать, не только осталась на полу, но ещё и высохла, намертво въевшись в паркет. Это было вопиющее безобразие! Ну, мисс Чопорс! Ну, держитесь! Только попадитесь мне на глаза!

Преодолевая боль в колене, с грозным видом двинулась вперёд по коридору. Я намеревалась во что бы то ни стало отыскать лентяйку экономку и отчитать её по полной. Теперь я была уверена, что не только пятно, но и комната на втором этаже осталась неубранной. Иначе почему дверь до сих пор закрыта на ключ?

Обойдя весь этаж, я наконец остановилась у кухни и вы-

дохнула. Мисс Чопорс однозначно должна быть здесь. А где ещё?

Но в кухне не было ни души.

Следующими шли кладовые, но и там было пусто. Даже продуктов – кот наплакал.

Комнаты для прислуги не стали исключением, а вот каморка у чёрного хода встретила меня набором щёток и вёдер. На последних была паутина – прямое доказательство того, что беспорядком у лестницы и в запертой комнате никто и не думал заниматься.

Теперь-то мне стало понятно, почему дом так долго не могли продать. Дело не в цене и не в недобросовестных агентах, а в ленивой прислуге, которая тряпкой взмахнуть не в состоянии. Что ж, мисс Чопорс, я покажу вам, как игнорировать мои поручения, вот только вначале найду вас и... уверю это чёртово пятно с пола, от которого у меня почему-то мурашки шли по коже. А ведь всего-то утка разморозилась...

Наполнив ведро водой и захватив с собой средних размеров щётку и две тряпки, я поплелась обратно к лестнице. Отодвинула ковёр в место, где стояла пузатая напольная ваза, полная камыша, подобрала юбки и заткнула края за пояс. Затем заплела волосы в косу, обмакнула щётку в воду и принялась скрести деревянный пол, временами морщась от неприятного запаха.

Не знаю, сколько времени я провела, ползая, но точно не один час. Пятно оттиралось плохо, я вся взмокла, и моей

радости не было предела, когда, отложив щётку, я наконец пустила в ход тряпки. Промыв пол на один раз, поменяла воду и уже опустилась на колени, чтобы навести финальную красоту, как надо мной выросла тень.

Вздвогнув, я подняла голову и... снова вздрогнула.

Надо мной высилась мисс Чопорс. Её лицо было бесстрастным и почти бескровным, пучок из волос на голове – строгим до дрожи в коленках, а взгляд – равнодушным и холодным. Её дыхание было ровным, осанка – безупречной, а пальцы – длинными и худыми, и сжимали они не сковородку или половник, не палку для выбивания перин и подушек и даже элементарно не письма или свежие газеты, нет. Они сжимали заколку, изготовленную в форме летящей ласточки, ту самую, которую я имела неосторожность потерять.

Что ж, на ловца и зверь бежит? Я тоже так подумала. И никогда ещё я так сильно не ошибалась.

Не успела я и рта раскрыть, как мисс Чопорс проворчала, как ворчат наставницы на воспитанниц в пансионе благородных девиц:

– Мисс Харт, вы выглядите неподобающе. Ваше платье порвано, на щеке – царапина, а волосы не прибраны. Возьмите, – экономка протянула заколку, – и немедленно приведите себя в порядок. Новое платье вы найдёте у себя в спальне. Гребень лежит на туалетном столике. Там же сегодня я оставила и душистую воду.

Я чуть не задохнулась от возмущения. Эта старуха вооб-

ще видит, чем я занимаюсь? Делаю её работу. Но, казалось, ковёр и пятно под ним совсем не волновали мисс Чопорс. А вот мой внешний вид – очень. Объяснение последовало незамедлительно.

– У нас посетители, мисс Харт.

Я вопросительно уставилась на экономку.

– Некто мистер Билски со своей юной дочерью ждут у крыльца. Они приехали из Мятной долины. Говорят, что по объявлению. Непозволительно заставлять их ждать слишком долго. Я пока открою для них малую гостиную и подам чай, а вы поторопитесь переодеться. И обязательно заколите волосы. Эта заколка всегда должна быть на вашей голове.

– Даже ночью? – съязвила я.

– Даже ночью, – невозмутимо ответила мисс Чопорс и добавила: – не вздумайте её потерять. Однажды она спасёт вам жизнь...

В любой другой раз я не оставила бы слова экономки без внимания, однако в ту минуту молча поднялась и поспешила наверх, к себе в комнату. Заставлять клиента ждать – плохо, а плохо я ещё никогда не работала. Даже во сне.

Мисс Чопорс не солгала: в моей спальне, на моей кровати и правда лежало новое платье, на этот раз соломенного цвета с вышитыми полевыми цветами. Когда мисс Чопорс успела его принести? Получается, она видела, как я упала, и вместо того чтобы прийти на помощь, позаботилась лишь о новой одежде и кувшине с тёплой водой, что стоял на столе?

Насупившись, я промыла царапины на коленке и нырнула в обновку. Платье мне шло и было более удобным, чем прошлое, а собранные на затылке волосы, заколотые «летающей ласточкой», придали моему образу нежности и сельского очарования. Такой я и спустилась вниз к мистеру Билски, оказавшемуся низкорослым пузаном, и его дочери – худенькой девушке лет двенадцати, бледной лицом и с жидкими волосами.

Глава 6. Странная комната

Чай мистер Билски пил как настоящий аристократ – оттопырев мизинец, зато его сапоги были перепачканы в глине, и та успела основательно засохнуть, из чего я сделала вывод, что любой намёк на принадлежность к высшему обществу – лишь показуха. Особенно хорошо секрет выдавала дочь: юная особа, рассматривая расписной потолок в гостиной, картины в полстены и обивку кресел и диванов, время от времени забывалась и громко прихлёбывала.

Впрочем, мне до положения клиентов не было дела: графиня Форестер, нанимая меня, никаких пожеланий по поводу покупателей не высказала. Значит, руки мои были развязаны, и моей задачей было лишь удостовериться, что клиент обладает нужными средствами и сделка проходит по всем правилам.

– Шарлотта Харт, – широко улыбнулась я, представившись и протянув мистеру Билски руку. – Как быстро вы приехали... Наше объявление вышло в газете только сегодня.

– Очень рад знакомству, мисс Харт.

Мистер Билски подскочил с кресла, бросился мне навстречу и, вместо рукопожатия, облизывал мою ладонь долгим поцелуем. Что ж, снова моя ошибка. Не приняла во внимание особенность эпохи, чтоб её!

– Как же я рад, что успел! – чуть ли не кричал мистер Билски, захлебываясь от восторга. – Я уж думал, пока соберусь, пока приеду, а дом уже того... тю-тю... куплен! Даже Хлое пообедать не позволил – бедное дитё всю дорогу перебивалось бутербродами.

– А вы издалека? – вежливо поинтересовалась я, вырвав руку из поцелуечного плена и отойдя от мистера Билски подальше. К счастью, неподалеку стояло свободное кресло – в него я и уселась.

– Вы не знакомы с красотами Мятной долины? – изумился гость. – Как же так?

Ну, вот так получилось. Не объяснять же теперь, как именно. Ещё сочтёт за сумасшедшую. Хотя стоит ли заботиться о репутации во сне?

На последней мысли я громко фыркнула. Сон – сном, а клиента встречать рванула, будто очередной проект от начальницы получила. Верно подметил Рэй: я – конченный трудоголик!

Мистер Билски понял моё фыркание по-своему.

– Вы правы! – завопил он так, что его дочь вздрогнула и чуть не пролила чай себе на колени. – Вы абсолютно правы! Мятная долина – сущая глухомань! Что у нас там есть? Да ничего кроме мяты! Одна мята из всех щелей лезет, не так ли, Хлоя?

Выглядевшая испуганным воробушком девчонка поморгала длинными ресницами и поддакнула отцу.

– Я люблю мяту, – осторожно высказалась я. – Особенно чай с ней.

И, приняв причитающуюся мне чашку чая из рук мисс Чопорс, кивком поблагодарила её, про себя, однако, отметив обязательно устроить экономке взбучку, когда всё закончится.

– Я тоже любил! – гнул свою линию мистер Билски. – Пока в один прекрасный день той мяты не стало слишком много: тут вам и мятный соус к мясу, и мятный отвар, и листочки мяты в салате, и даже пирог с мятой и мятным киселем... А когда жена покрасила стены в мятный цвет, то я решил, что хватит нам той мятой травиться. Пора начинать жить правильной жизнью, когда на завтрак, обед и ужин – разнообразное меню, и дочь ест морковь да свёклу, а не зелёную ботву. Может, тогда и щёчки румянцем зайдутся. Сейчас же они цветом напоминают болотную тину.

Услышав такое, Хлоя вжалась в спинку кресла и снова чуть не пролила чай.

– Этим домом я не раз восхищался! – мечтательно вздыхал мистер Билски. – Много раз проезжал мимо и всякий раз останавливался поглазеть. Странно, что дом до сих пор не купили, он ведь так давно продаётся.

– А вы что же не купили, раз давно к нему приглядываетесь?

– Я-то? Хм, тут долгая история.

– А мы с вами не спешим. Ещё чаю?

Мистер Билски согласился. Чай мисс Чопорс подала с шиповником и без мяты, потому, наверно, мистер Билски и пил с удовольствием. Дождавшись новой чашки, он отхлебнул и начал рассказ:

– Первый раз мне не повезло два года назад. Тогда я как раз читал газету, но одной ногой уже стоял на палубе парохода, готовясь отплыть с супругой и дочерью в круиз. Когда вернулся, объявление было уже снято. Во второй раз буквально за день до выхода нового выпуска «Ивового вестника» я приобрёл трёх жеребцов и кольцо жене впридачу. Само собой, денег осталось только на ежедневные нужды. Пришлось бежать в банк. Пока договаривался о ссуде, пока жеребца объезжал, чтобы на нём до «Ив» добраться, объявление о продаже снова исчезло. А в третий раз...

– Был ещё и третий раз?

– Разумеется!

– И что же тогда помешало вам стать владельцем?

Мистер Билски развёл руками.

– Сам не знаю. Вроде бы всё сделал правильно: газету купил прямо в редакции – краска ещё сырая была; из дома рванул сюда в тот же день и на самом резвом скакуне; чековую книжку не позабыл, ещё и банкнот по карманам распихал, но...

– Но что же случилось?

– Приехал, покрутился да ни с чем и уехал. Никто меня встречать не вышел, двери были крепко заперты, а окна –

заколочены.

– Странно всё это, – задумчиво произнесла я.

– Сегодня вот четвёртый раз... Я даже дочь с собой при-
тащил: ей, знаете ли, в лото очень везёт. Вдруг, думаю, и с
«Ивами» подфартит. Ну да хватит о ерунде. Перейдём к де-
лу. Мисс Харт, не тяните кота за хвост. Чего там и где под-
писать надо?

Мистер Билски радостно потирал руки. Его желание
влиться в ряды аристократов посредством приобретения ста-
ринного особняка было столь велико, что он готов был на что
удовно. Даже подписать договор, не читая. Со стороны это
выглядело смешно, но кто я такая, чтобы его отговаривать?

Я растерялась. Впервые я осознала, что поступила непро-
фессионально, а всё потому, что в реальной жизни привыкла
к тому, что как минимум болванки разных видов соглаше-
ний всегда были под рукой. А тут... А тут ничего не было. Да-
да, передавать мистеру Билски на подпись мне было нече-
го. Но я нашла выход! Заключался он в элементарном реше-
нии потянуть время. Пусть сегодня мистер Билски просто
погуляет по дому, посмотрит окрестности, а завтра... завтра
я протяну ему бумаги, которые состряпаю сегодня за ночь.
Если, конечно, сон не прекратится...

– Давайте вначале осмотрим дом, – доброжелательно на-
чала я. – Мне бы не хотелось, чтобы вы приобретали кота в
мешке. Вдруг вам не понравится, что дождевые стоки места-
ми протекают.

Протекают те стоки или нет – я не знала. Откуда? Я всего-то жила в «Серебристых ивах» сутки. С дождём ещё не успела столкнуться.

Мистеру Билски было откровенно всё равно.

– Текут и пусть себе текут, – махнул он рукой. – Починю. Хотя сомневаюсь, что в этом прелестном местечке что-то может быть не так. Я много слышал о хозяевах. Люди – приличные. Жаль только, граф умер таким молодым. Даже до тридцати пяти лет не дотянул. Бедняга!

Мистер Билски тяжело вздохнул.

Историю графа Форестера я слышала вчера и снова прокручивать её не хотелось: слишком свежо было воспоминание о грустном личике прекрасной молодой вдовы.

– Тем не менее, – настаивала я, – давайте сегодня осмотрим дом, а завтра уже займёмся бумажной волокитой.

Мистер Билски отрицательно помотал головой, сунул руку, больше похожую на крабовую клешню, чем на мужскую ладонь, во внутренний карман сюртука, достал перевязанную розовой ленточкой стопку банкнот и грохнул ей о чайный столик.

– Задаток, – горделиво пробурчал он. – А то знаю я вас, агентов. Сегодня мне улыбаетесь, а завтра явится какой-нибудь хлыщ, предложит на тысячу больше, и вы за ним дом закрепите, а меня к мухам болотным пошлёте.

– Обещаю, что так не поступлю, – оборонялась я, – но торопиться с крупной покупкой всё же не советую. Может,

вам не по нраву придётся, как петли скрипят.

Мистер Билски вскочил с кресла.

– Скрипят? – Подскочил к дверям, которые открывала мисс Чопорс, поводил ими туда-сюда, проверяя. – Ни капельки они не скрипят. Может, вам послышалось?

– Я боюсь скрипа, – внезапно подала голос юная мисс Билски.

Мистер Билски не преминул недовольно пшикнуть на дочь.

– Смажу, – отрезал он. – И ничто скрипеть не будет. Хотя я на все сто уверен, что уход за этим домом вёлся отменный!

– Почему вы так думаете? – поинтересовалась я.

– Видите ли, мисс Харт, я много слышал о покойном графе Форестере и его манере вести дела. Говорили, что он был дотошен до каждой мелочи, включая яркость узора на чайных чашках. Прислуга в доме не расслаблялась ни на секунду: сад был ухожен, пруд и фонтаны вычищены, а на паркете можно было своё отражение увидеть – так он был надраен.

Теперь на паркете можно было увидеть ещё и след размороженной утки...

– Сколько времени прошло с тех пор, как умер граф? – продолжал мистер Билски. – То-то и оно, что много! А вы оглядите дом! Красотища ведь! Ничто не вышло из строя, не пожухло, не испортилось. А почему? Потому что поместье всегда было в хороших руках!

Увы, но больше у меня козырей в рукаве не было. Тяжело

вздохнув, я как бы невзначай отметила:

– Когда есть деньги, то дому не страшны ни плесень, ни паутина. Можно нанять достаточно прислуги, чтобы та всё успевала в каждом углу.

– О, да! – подхватил мистер Билски. – Граф Форестер был баснословно богат! Вы думаете, этот дом у него единственный? Как бы не так. Я слышал, у него ещё до кучи всякой недвижимости, и даже заводик свой чуть не заимелся.

– Свечной? – сорвалось у меня с языка.

– Вот уж таких деталей не знаю. Расспрошу своего знакомого на днях, если увижу его в городе, тогда и расскажу вам. Только важно ли это? Заводик всё равно так и не появился, потому что лорд Форестер решил, что не графское это дело – промышленностью заниматься. А теперь показывайте договор, мисс Харт. Где вы его упрятали и не отдаёте?

Мистер Билски принялся скользить взглядом по шкафам и тумбам. Я собралась с духом и начала:

– Мистер Билски, я должна буду просить вас отложить сделку. Но только до завтра!

– Это почему?

– Не поймите двусмысленно, у меня просто нет договора под рукой, который мы могли бы с вами заключить. Всё произошло так быстро – это объявление и ваш приезд, – что я не успела подготовиться.

– У нас есть договор, мисс Харт, – громом среди ясного неба прогремел голос.

Мисс Чопорс выплыла из коридора и положила на столик передо мной тонкую папку, в которой нашлись нужные листы и с нужным текстом.

– Вот видите, – мистер Билски широко улыбнулся, обнажив неровные зубы, – оказывается, всё имеется.

Пододвинув бумаги к себе, я начала читать. Изложено было грамотно, правда, местами слишком витиевато. Оставалось вписать в пустые строчки имя покупателя и суммы вносимого задатка и полной стоимости дома, и половина дела сделана!

Встряхнув кистями рук, словно готовя их к длительному и нудному прописыванию прописей, я принялась нащупывать на сгибе папки ручку, но вовремя вспомнила, что в этом сне ручек не полагается. Однако перьев и чернильниц тоже не было подано. Да и мисс Чопорс куда-то испарилась. Мысленно ругая экономку за невнимательность, я поднялась. Мистер Билски вскочил вместе со мной.

– Что-то опять не так? – потя, спросил он.

– Не хватает письменных принадлежностей. Схожу поищу в кабинете графа Форестера.

– Уму не постижимо! – воскликнул мистер Билски. – Я буду ставить подпись пером, которым писал сам лорд Форестер.

Скоро вы даже на его кровати будете спать и обедать из его сервиза, пронеслось у меня в голове.

Я вышла из гостиной и пошла по коридору, заглядывая

в каждую комнату, надеясь отыскать или кабинет, или мисс Чопорс, которая могла бы помочь.

Самый большой минус больших домов – их огромная территория. Детям в прятки играть, конечно, понравится, но вот найти нужную вещь, тем более в комнате, о расположении которой не имеешь ни малейшего представления, очень трудно. По дороге мне попадалась какая угодно из гостиных, чайных и даже курительных – только не кабинет! Может, у графа Форестера его вообще не было? Да нет... Быть не может. У человека такого высокого положения должно быть по кабинету на каждом этаже!

Я оказалась права: кабинет был, и был он устроен у самого входа в дом (я же обошла весь первый этаж, прежде чем это понять). Просторная и светлая, располагающая к деловым беседам и чтению деловой прессы, не имеющая в себе ничего затейливого, замысловатого или роскошного, комната говорила об утончённом вкусе её обладателя, о начитанности и широте кругозора.

Всё было просто – стены окрашены в благородный зелёный, вдоль стен – полки с книгами, простые стулья с плетёными спинками, посередине – огромный стол, выполненный из дуба, у окна – кожаный диван, – но вместе с тем благородно и изящно, что мне так и захотелось забыть обо всём, вытянуть из шкафа пыльную книгу в потрескавшемся переплёте, забраться с ногами на диванчик и листать страницу за страницей, переносясь в другие миры и воображая, что хо-

зьяин дома здесь, рядом, фантазирует вместе со мной.

Хранились в кабинете и три трости. Одна – с гравировкой «М. Л. Форестер», вторая – с ручкой из цельного аметиста, третья – с пуговицей, на которой была изображена крохотная птичка, вмонтированной в рукоятку, так чтобы птичка всегда была под ладонью. Забавно!

Но нужно было возвращаться: мистер Билски, верно, уже заждался и снова принялся волноваться, состоится сделка в итоге или нет. Поэтому, переведя взгляд с тростей на стол, я быстро нашла на нём чернильницу и перо, взяла их и уже направилась было к выходу, как вдруг душераздирающий крик заставил меня вздрогнуть и выронить из рук всё, что я держала.

Вопили совсем рядом, и, кажется, то была мисс Билски. Что могло случиться с юным созданием? Может, всё же недосмотрела и пролила на колени кипяток? Или палец чем-то прищемила? Но даже если обожглась и поранилась, зачем так кричать, что кровь в жилах стынет?

Подхватив платье и перешагнув через валявшуюся на полу чернильницу – увы, разбитую и с вытекающей из неё чёрно-фиолетовой жидкостью, – я бросилась в гостиную, где оставила мистера Билски и его дочь. Однако там было пусто. И только на чайном столике высилась кипа банкнот, а ветер, залетая через окно, срывал купюру за купюрой и разбрасывал их по углам комнаты.

Мистера и мисс Билски нигде не было. Ни в малой гости-

ной, ни в граничащей с ней чайной, ни в музыкальном салоне. Но внезапно я увидела их обоих, спешащих по газону в сторону своей повозки, оставленной в тени высокого дуба. У обоих лица были белее снега, а в глазах застыл такой страх, словно они увидели мертвеца, вышедшего из могилы.

Я высунулась в окно.

– Мистер Билски! – крикнула я, надрывая голос. – Мистер Билски, куда же вы?

Мой первый клиент в «Серебристых ивах» не остановился и не отозвался, а только испуганно замахал рукой. Так машут, когда прогоняют кого-то или мечтают от кого-то отделаться.

Я бросилась к столику и схватила деньги, что ветер не успел раскидать по комнате. Вернулась к окну и снова высунулась, тряся купюрами.

– Мистер Билски, а как же это? Вернитесь! Или скажите, куда привезти!

Мятная долина, кажется, вспомнилось мне. Знать бы, что за долина такая и далеко ли до неё.

– Оставьте себе! – отмахивался мистер Билски, прыгая в экипаж и затаскивая дочь на сидение. – Только оставьте нас в покое! Вы и это ваше... чудовище! Трогай! – крикнул он вознице.

Хлыст занесся над лошадыю, и та прытко пошла вперёд.

Я ещё долго стояла у окна, думая, ослышалась я или нет. Какая змея укусила мистера Билски? Он так грезил по-

купкой этого дома, так мечтал назваться его хозяином, а теперь бежал, как трусливый пёс, поджав хвост. Что такого произошло, пока я искала кабинет?

В надежде найти ответ я осмотрела комнату. В гостиной всё было по-прежнему.

Вышла в коридор, неторопливо двигаясь от одной двери к другой и осторожно заглядывая внутрь. Но и там всё было тихо и ни души. У самой лестницы я встретила мисс Чопорс.

– Вы знаете, что случилось? – задыхаясь от волнения, спросила я экономку.

Мисс Чопорс как обычно была холодна и немногословна.

– Полагаю, мистер Билски больше не желает приобретать «Серебристые ивы», – вымолвила она.

– Но почему?

– Его любопытная дочь вздумала немного прогуляться по второму этажу, и ей там не понравилось.

– Но почему? – попугаем повторяла я. Я просто никак не могла понять, что такое попало на пути юной мисс Билски, что она и её отец убежали отсюда как ошпаренные.

Мисс Чопорс пожала плечами.

– Вы должны были следить за клиентами – не я, – отрезала она. – Надеюсь, они ничего не украли.

– Они оставили кучу денег!

– Фальшивых?

– Как вам не стыдно!

– Мне – нет. А вот вам будет. Улепётывая, мистер Бил-

ски опрокинул поднос с любимейшим фарфором графа Форестера.

– И что? Граф Форестер давно умер, а леди Рене нет дела до дома и всего, что в нём.

Мисс Чопорс по обыкновению поджала губы.

– Объясняться всё равно будете вы! – перевалила ответственность экономка.

Я была готова всё объяснить, но вначале хотела разобраться. Что именно не понравилось семье Билски в доме, где всё совершенно?

Хлопнула дверь, и я посмотрела вверх. Вероятно, ветер гулял по коридорам и играл всем, что попадалось на пути.

Снова раздался шум и шёл он со второго этажа: на этот раз нечто круглое покатилося по деревянному полу. Намереваясь выяснить, ветер то или просто огромная крыса шалит, я заторопилась вверх по лестнице, местами перешагивая через ступеньку.

Источник шума был выявлен быстро: им оказалась не до конца закрытая дверь в ту самую комнату, которая была заперта по причине крайнего беспорядка внутри. Кажется, я начинала понимать причину бегства клиента. Ей оказался банальный бардак, который высокомерная экономка поленилась расчистить.

Коснувшись дверной ручки, я распахнула дверь пошире, перешагнула через порожек и... растерялась. Всюду было темно. Так темно, что я минуту переминалась с ноги на ногу,

прежде чем мои глаза смогли хоть что-то различить. А ещё в комнате было невыносимо душно.

Скользнув взглядом по окнам, я поняла почему. Они были занавешены портьерами тёмно-зелёного цвета, плотными и такими тяжёлыми, что от их веса прогнулись гардины. Не пропуская и лучика солнечного света, те шторы не пропустили бы и дыхания свежего ветра, открой кто в комнате окно. Странно...

Всё остальное, что я смогла разглядеть в комнате, было не менее странно.

Посередине стоял широкий стол. Он был обтянут зелёным сукном, накрыт для игры в карты и завален всякой всячиной: монетами, запонками, огрызками свечей и, конечно же, картами. Карты были повсюду. Некоторые даже лежали вером, словно один из невидимых игроков вскрылся и ждал ответа противника. Были на столе и бокалы с тёмной жидкостью (возможно, вино и виски), и как вскрытые, так и нет, бутылки со спиртным.

Вокруг стола беспорядочно стояли стулья. Один стул был почему-то перевернут и лежал на ковре.

В углу комнаты находилась небольшая этажерка с книгами и такой же небольшой диванчик. Сделано это было, видимо, для того, чтобы проигравшие не скучали. Продул папенькино наследство, отошёл к этажерке, выбрал философский трактат о смысле бытия, приткнулся на диванчик и читаешь, набираешься мудрых мыслей.

Заканчивал интерьерную композицию большой и высокий камин, искусно вмонтированный в стену. На камине расположились два канделябра: один на три свечи, другой – на пять. Между ними покоился большой стеклянный шар. Может, это он упал и покатился? Тогда почему не разбился? И как смог с пола перебраться обратно на камин?

Я тряхнула головой, прогоняя нелепые мысли. Думать надо было о сбежавшем мистере Билски и о деньгах, оставленных им. Что теперь с ними делать?

Ещё надо было думать о лентяйке мисс Чопорс, которая отбилась от рук и ничего не делает. Вот поэтому несчастная вдова Форестер и не может продать дом годами.

Моё негодование, однако, не получило продолжения: стеклянный шар с камина приковал к себе мой взгляд и не позволял подолгу думать о чём-либо другом. Внезапно он вспыхнул голубоватым светом, и в его центре я увидела своё отражение.

Зачарованная, я шагнула вперёд, вытянула руку и осторожно коснулась шара пальцами. Тот был горячий, как оставленная на включённой плите кастрюля с кипящей водой, и от него мелкими змейками шёл пар.

Неожиданно меня обдало холодом. И то был не просто ветер, заскочивший через открытую дверь прошвырнуться по углам, – то была настоящая глыба льда и находилась она прямо у меня за спиной.

Змейки, обвивавшие шар, резко зашипели и попытались

укусить меня за палец. Но ничего у них не вышло: открыв пасть и обнажив зубы, они тут же растворились в воздухе. А холод... Холод не отступал, и завершением всего этого ужаса стали слова, произнесённые незнакомым, чуть хриплым голосом:

– Никому не дозволено трогать шар моей души...

Страх охватил меня. Я боялась не только обернуться на голос, но и просто пошевелиться. С сердцем, ушедшим в пятки, я стояла у камина и чувствовала, как моих волос касаются ледяные пальцы.

Вот они тронули выбив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.